SSOAR

Open Access Repository
www.ssoar.info

Политическая аккомодация культурных различий в индустриально развитых обществах

Malakhov, Vladimir; Simon, Mark; Letnyakov, Denis; Osipov, A. G.; Motin, Alexander; Marinova, Vera Vladimirova; Puchkov, Yan; Lomov, Dmitry

Preprint / Preprint
Arbeitspapier / working paper

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:
Malakhov, V., Simon, M., Letnyakov, D., Osipov, A. G., Motin, A., Marinova, V. V., ... Lomov, D. (2020). *Политическая аккомодация культурных различий в индустриально развитых обществах.* Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education. https://doi.org/10.2139/ssrn.3860889

Nutzungsbedingungen:
Dieser Text wird unter einer CC BY-NC-ND Lizenz (Namensnennung-Nicht-kommerziell-Keine Bearbeitung) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden Sie hier:
https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.de

Terms of use:
This document is made available under a CC BY-NC-ND Licence (Attribution-Non Comercial-NoDerivatives). For more Information see:
https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0

gesis
Leibniz-Institut
für Sozialwissenschaften

Mitglied der
Leibniz-Gemeinschaft

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э., Осипов А.Г., Мотин А.С., Владимирова Я.Л., Пучков Я.М., Ломов Д.Ю.

Политическая аккомодация культурных различий в индустриально развитых обществах

Препринт

Москва 2020

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э, Осипов А.Г., Мотин А.С., Владимирова Я.Л., Пучков Я.М., Ломов Д.Ю. Политическая аккомодация культурных различий в индустриально развитых обществах // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – М.: РАНХиГС, 2020.

Понятие «политическая аккомодация» применительно к теории и практике управления культурным разнообразием могло бы обогатить российский академический словарь. Либерально-демократические государства изобрели специфические механизмы политической аккомодации культурных различий. Благодаря этим механизмам та часть населения демократического государства, которая не готова раствориться в этнокультурном большинстве, более или менее надежна защищена. Закон не только запрещает насильственную ассимиляцию, но и содержит целый ряд норм, позволяющих этнокультурным меньшинствам поддерживать свою отличительность, передавая ее от поколения к поколению. Впрочем, так обстоит дело в либеральных демократиях с многолетней историей. В государствах же, возникших в результате распада двух многонациональных политий – Югославии и СССР – ситуация порой выглядит достаточно специфично. В них принимаются более активные меры по культурной гомогенизации, чем в прежние годы. Что касается России, то в последние годы в ней происходят симптоматичные изменения в сфере этнокультурной политики, которые, пусть и с целым рядом оговорок, можно описывать в терминах «национализации».

Ключевые слова: культурные различия, сверхразнообразие, интеграция, человеческий капитал, гражданство

Abstract: The notion of “political accommodation” applied to the theory and practice of managing cultural diversity could enrich the Russian academic dictionary. Liberal democratic states invented specific mechanisms for political accommodation of cultural differences. Thanks to these mechanisms, the part of the population of a democratic state that is not ready to dissolve into the ethnocultural majority is more or less protected. The law not only prohibits forced assimilation, but also contains a number of norms that allow ethnocultural minorities to maintain their distinctiveness by passing it on from generation to generation. However, this is the case in liberal democracies with a long history. In states that emerged as a result of the collapse of two multinational policies - Yugoslavia and the USSR - the situation sometimes looks quite specific. They take more active measures for cultural homogenization than in previous years. As for Russia, in recent years there have been symptomatic changes in the sphere of ethno-cultural policy, which, although with a number of reservations, can be described in terms of “nationalization”.

Key words: cultural differences, superdiversity, integration, human capital, citizenship

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Исполнители:

Малахов В.С., доктор политических наук, профессор, директор Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: malakhov-vs@ranepa.ru

Симон М.Е., кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: simon-me@ranepa.ru

Летняков Д.Э., кандидат политических наук, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: letnyakov-de@ranepa.ru

Осипов А.Г., кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра этнического и лингвистического разнообразия (Прага), aosipov1@gmail.com

Мотин А.С., младший научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС, motin-as@ranepa.ru

Владимирова Я.Л., магистрант МВШСЭН, mss1901113@universitas.ru

Пучков Я.М., магистрант МВШСЭН, mss1901115@universitas.ru

Ломов Д.Ю., бакалавр МВШСЭН, denlomov99@gmail.com

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

1 Анализ основных концепций, используемых в теории и практике управления в полиэтническом обществ 8

2 Нормативный аспект проблематики политической аккомодации культурных различий 14

3 Организации культурного разнообразия в городском пространстве: случай Германии 21

4 Изучение законодательных новелл, а также мотивировочной части решений, вынесенных судами по вопросам, касающимся публичных проявлений культурных различий 37

5 Анализ институциональной инерции в сфере политической аккомодации культурных различий в постсоветской России 47

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 53

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 58

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

ВВЕДЕНИЕ

Обращение с культурными различиями является одной из наиболее злободневных тем в повестке властей разного уровня в современном мире. В настоящее время политическая аккомодация культурных различий происходит в условиях сверхразнообразия. Понятие сверхразнообразие (super-diversity) было введено в социальную науку во второй половине нулевых годов Стивеном Вертовеком, директором Института Макса Планка по исследованию религиозного и этнического разнообразия, и учеными его круга. Сверхразнообразие обозначает ситуацию беспрецедентно высокой степени разнородности населения современных государств, возникающей в результате миграций. Данная разнородность вызвана не столько возрастающим количеством этнических сообществ, сосуществующих под одной политической крышей, сколько следующими явлениями а) диверсификацией каналов и типов миграции; б) диверсификацией правовых статусов индивидов; в) увеличивающейся вариативностью в объемах человеческого капитала (различиями в образовании, квалификации, возрасте и т.п.).

Проблемное поле настоящего исследования можно представить в виде таблицы (таблица 1). Нас будут интересовать четыре основных аспекта политической аккомодации культурных различий. Первый из них относится к трансформациям индивидуальных и коллективных идентичностей агентов межкультурной коммуникации. Второй аспект – проблематика социальной сплоченности в условиях растущего многообразия в публичной сфере индустриально развитых стран. Речь идет прежде всего о доверии между членами общества. Предстоит выяснить, каким образом классовые, этнические, конфессиональные, жизненно-стилевые разломы, могут блокировать социальную солидарность в новых демографических и культурных условиях. Ключевой вопрос для политической теории состоит в том, что в этих новых обстоятельствах делает общество обществом, то есть относительно целостным образованием, а не простым скоплением индивидов и групп. Третий проблемный кластер – это трансформации представлений о гражданстве и новые формы политического участия. В исследовании этой проблематки обнаруживаются две основные перспективы. Согласно первой, основанием членства в сообществе является общее происхождение. Согласно второй, таким основанием выступает вклад индивида в благополучие сообщества. В первом случае общество образуют «соплеменники», во втором – налогоплательщики [1]. Наконец, четвертый аспект включает в себя новые вопросы политической этики, которая выстраивается вокруг понятия «этнокультурной справедливости» [2]. Справедливо ли, например, что представители этнических меньшинств не имеют права получать высшее образование на родном языке?

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Таблица 1 - Проблемное поле исследования

Идентичность	Социальная сплоченность (cohesion)	Членство/гражданство	Справедливость
Содержание индивидуальных и коллективных «идентичностей» и их трансформации	Что является источником социальной сплоченности	Чем определяется принадлежность индивида политическому сообществу (=государству)? По каким критериям происходит включение/исключение в нацию?	Правовые и моральные нормы, определяющие представления о (социальной) справедливости

Основные теоретические коллизии при изучении всех четырех указанных аспектов возникают в связи с вопросом о том, должна ли оставаться приоритетом политической нормативности индивидуальная правовая субъектность или же сообщества идентичности могут быть признаны как субъекты права. Постулат философии либерализма, не подвергавшийся сомнению до конца XX столетия), состоял в том, что защита культурной отличительности граждан («право на идентичность») гарантирована базовыми правами и свободами, закрепленными в демократических конституциях. Однако начиная со во второй половины 1980-х годов, этот постулат подвергается серьезной критике со стороны представителей философии коммунитаризма [3], с одной стороны, и мультикультурализма [4] – с другой. Аргумент последних состоял в том, что конституционных норм недостаточно: для эффективной защиты культурной отличительности нужны специальные политики и концептуальные подходы, выходящие за пределы классического либерализма[1]. А именно: отход от «индивидуалистической презумпции» и признание *групповых прав*. Эту позицию отчасти разделяют и представители контекстуальной теории морали [5].

Противостоят этой концепции представители политического либерализма (последователи Джон Ролза) и сторонники концепции делиберативной демократии[2]. Существуют также попытки выработать метапозицию по отношению к этому принципиальному спору [6]. Их тезис состоит в необходимости перехода к институциональному плюрализму.

[1] Рубрикой, объединяющей эти концепции и политические практики, стал «мультикультурализм».

[2] Хотя у самого Хабермаса речь идет о «дискурсивной демократии», суть концепции это не меняет: общественные дебаты (public discourse, deliberation) выступают основанием для выработки общей позиции по принципиальным вопросам политического общежития.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Второе теоретическое напряжение возникает в связи с дихотомией «справедливость»/ «равенство». «Справедливое» обращение государства с сообществами идентичности означает *неравное* с ними обращение. Коль скоро определенным группам предоставляются преференции, они оказываются в привилегированном положении по отношению к другим группам; представители меньшинств привилегируются за счет представителей большинства. В этом заключается содержание (и уязвимость для критики) мероприятий по «позитивной дискриминации» - политика положительной дискриминации (affirmative action) в США с 1970-х годов, советская практика этнического квотирования в кадровой и образовательной политике.

Проблематика публичного выражения культурной отличительности, на первый взгляд, не имеет отношения к проблематике социального равенства. Однако на практике они часто пересекаются. В частности, когда культурные различия накладываются на ограничения в доступе к социальным ресурсам. В таком случае индивиды переживают собственную уязвленность, собственное поражение в правах (disempowerment) не в классовых, а в этнических или «культурных» терминах. Получается, что они подвержены процедурам социального исключения не в силу своего (низкого) положения на социальной лестнице, а в силу своей этнической (или религиозной) принадлежности. Невозможность вертикальной мобильности воспринимается ими как результат членства в «неправильном» с точки зрения мейнстрима культурном сообществе.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

1 Анализ основных концепций, используемых в теории и практике управления в полиэтническом обществ

Большинство исследователей эксплицитно фиксируют разнородность дискурсивного поля, когда речь идет о двух понятиях: «иммиграция» и «сверхразнообразие». С одной стороны, это связано с междисциплинарным характером изучаемой проблемы: очевидно, что разные социально-гуманитарные науки будут концентрироваться на разных аспектах и, соответственно, отталкиваться от близких, пересекающихся, но всё же разных теоретических и методологических позиций. Кроме того, даже в рамках одной дисциплины существуют различные школы и интеллектуальные традиции, которые по-разному будут подходить к изучаемому вопросу. С другой стороны, это связано с неоднородностью самой эмпирики: несмотря на то, что все государства функционально подобны друг другу и все они, так или иначе, имеют дело с миграционными потоками и внутренней культурной неоднородностью, тем не менее, они делают это по-разному в связи с тем, что разные общества имеют разные исторические и культурно-политические традиции нациостроительства, также влияющие на интеграционные процессы. Не менее важно и то, что миграционные потоки сами по себе неодинаковы в своих качественных и количественных измерениях, что опять же опосредует различие в подходах [7:52-62].

Во-вторых, исследователи всегда пытаются тем или иным образом структурировать содержание данного проблемного поля. Они предлагают разные, но далеко не всегда противоречащие друг другу классификации и систематизирующие допущения, основанные сугубо на разных критериях. Разница между подходами европейских и североамериканских авторов состоит в том, что для первых характерно рассматривать вопрос интеграции мигрантов как политико-административный, в то время как для вторых эта проблема относится скорее к социокультурной адаптации [7:52-62]. Также это заметно, если сравнить подход социологов Чикагской школы и, в частности, теорию аккультурации Джона Берри, который много внимания уделял именно процессам социального взаимодействия на индивидуальном уровне, и подходы европейских социологов, как, например, Рууд Купманс и Кристиан Джоппке, для которых вопрос интеграции начинался скорее с государственной политики по созданию инкорпорирующей среды [8],[9].

И наконец, в-третьих, все крупные исследователи зачастую делают уточнения в отношении концептуально-понятийного и терминологического аппарата, который они используют. Понятия «разнообразие», «интеграция мигрантов», «ассимиляция», «идентичность», «нация» и т.п. – не то чтобы спектр значений был настолько велик, что

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

необходимо постоянно делать оговорки и пояснения, однако же проблематичность данных понятий заключается в сложности их операционализации и в имплицитных коннотациях, которые они, так или иначе, в себе несут.

Говоря о «западности» подходов к управлению многообразием, мы имеем в виду, прежде всего, государственные миграционные политики стран, условно говоря, Западного мира (страны Европы, США, Канада, Австралия). Разумеется, международные миграционные потоки вовсе не ограничиваются этими странами как реципиентами, однако именно их политические стратегии в большей степени находятся в фокусе внимания всех интересующихся данной проблемой. Причина этого заключается не в том, что не существует «незападных» подходов – этот вопрос остаётся в прерогативе пост-структуралистов и пост-колониальных исследователей – а в том, что все современные государства, по крайней мере внешне, функционально подобны друг другу, а образцом является европейское суверенное государство (субъект международных отношений Вестфальской системы). Таким образом, концептуально-теоретические модели, основанные на опыте интеграции мигрантов в Западном мире, помогут нам пролить свет на то, как это происходит в других странах, в частности – в Японии, и понять, насколько данная эмпирика вписывается в существующие интеллектуальные конструкции.

Говоря, о международных миграциях, мы имеем в виду людей, сменивших страну жительства. И здесь можно проводить множество водоразделов по самым различным параметрам: юридический аспект (гражданство, вид на жительство или другой тип), длительность (постоянный или временный характер), прочность транснациональных связей и т.д.

Из этого вытекает некоторая трудность работы с понятиями (аккомодация, интеграция, аккультурация т.п.), которая обусловлена, в том числе, и различием в традициях понимания этих вещей. Дэвид Грин указывает на то, что жонглирование этими понятиями в научных работах может спровоцировать серьёзную путаницу [10:2-3]. Там же он ссылается на Вольфганга Босвика, который предлагает понимать «интеграцию мигрантов» как общий термин для процесса социальной интеграции и определять его как «включение и принятие мигрантов в ключевые институты, отношения и позиции в принимающем обществе», а ассимиляцию видеть как крайнюю степень этого явления [11]. Босвик развивает эту идею, отмечая, что данный процесс протекает в четырёх основных формах: аккультурация (социализация: научение культуре принимающего общества), позиционирование (размещение в социальных полях[3]), интеракция

[3] Здесь, очевидно, Босвик берёт на вооружение идеи Пьера Бурдьё о том, что объединение индивидов в социальные группы зависит от общности их позиций в социальных полях. Таким образом,

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

(выстраивание взаимоотношений с людьми), идентификация (восприятие себя в новом обществе)[4]. Помимо этого, согласно Босвику, само понятие имеет несколько измерений: как процесс, как результат и как целенаправленная политика.

Существует коллизия между управляемой интеграцией, основанной на определённых политико-административных решениях, и непреднамеренной интеграцией, которая происходит стихийно на индивидуальном уровне. Иногда эти процессы вступают друг с другом в противоречия, особенно в случае, если интеграционные практики, осуществляемые сверху, не соответствуют ожиданиям самих мигрантов [7:46-55].

Основное развитие эта идея получает у Гэри Фримана, который отмечает, что процесс интеграции происходит как бы в многосекторной структуре, состоящей, по крайней мере, из четырёх базовых сфер: административно-правовая (миграционные и интеграционные законы, акты, кодексы, гражданство), экономическая (трудовые отношения, уровень дохода, доступ к рынку), сфера социального обеспечения (образование, медицина, страховка, пособия и т.д.) и культурная сфера (язык, поведение, предрассудки и прочие элементы культуры). То, в какой степени государство заинтересовано в интенсивности интеграционных процессов и какие политические решения оно для этого принимает, и определяет режим инкорпорирования в миграционной политике государства [12].

Гэри Фриман ранжирует современные либеральные демократии, по этому критерию и делит их на три группы:

а) Англоговорящие страны поселенческого типа (США, Австралия, Канада), в повестке которых традиционно присутствует развитая миграционная политика, предполагающая упор на мультикультурализм и активную интеграцию без потери собственной идентичности и транснациональных связей;

б) Европейские страны с колониальным прошлым. Данная категория стран неоднородна, поскольку среди них присутствуют как вполне открытые и заинтересованные в интеграции страны (Великобритания, Нидерланды), так и страны, придерживающиеся весьма рестриктивной политики (Германия).

в) Страны новой эмиграции (Португалия, Испания, Италия, Греция), многие из которых обладают всё ещё слабо сформулированными принципами миграционной политики.

Схожей позиции придерживается Сара Гудман, которая предлагает располагать страны в своеобразной системе координат по двум парам бинарных оппозиций:

интеграционная политика должна быть направлена на то, чтобы мигранты занимали позиции, близкие к позициям местного населения, во избежание маргинализации и возникновения диаспоральных групп.

[4] Ibidem.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

рестриктивный—либеральный (по типу доступа в страну и возможностям жизнедеятельности) и трудный—лёгкий (по способу натурализации и обретению правового статуса) [13:756-758].

Все современные страны по умолчанию считаются национальными государствами, или нациями-государствами. То обстоятельство, что население большинства из них не является однородным в этническом отношении, обычно не принимается в расчет, поскольку нация понимается как политическая, а не этническая целостность – как совокупность граждан, а не совокупность людей, объединенных общим происхождением и культурой. Вместе с тем, однако, предполагается, что между членами нации существует определенная степень культурной общности. Для того чтобы социальная ткань не распадалась, необходимо, чтобы граждане не были отделены друг от друга культурными барьерами. Более того, они должны ориентироваться на определенный культурный стандарт, принимаемый за нормативный, общеобязательный, «национальный». Что же касается тех индивидов и групп, которые настаивают на своей этнокультурной самобытности, то либерально-демократические государства изобрели специфические механизмы *политической аккомодации культурных различий*. Благодаря этим механизмам та часть населения демократического государства, которая не готова раствориться в этнокультурном большинстве, более или менее надежна защищена. Закон не только запрещает насильственную ассимиляцию, но и содержит целый ряд норм, позволяющих этнокультурным меньшинствам поддерживать свою отличительность, передавая ее от поколения к поколению.

Впрочем, так обстоит дело в либеральных демократиях с многолетней историей. В государствах же, возникших в результате распада двух многонациональных политий – Югославии и СССР – ситуация порой выглядит достаточно специфично. Описать эту специфичность попытался в середине 1990-х годов Роджерс Брубейкер, предложив для характеристики этих новых политических образований понятие «национализирующиеся государства» [14]. Какое значение вкладывал в это понятие американский социолог? Это страны, правящие элиты которых рассматривают их как «недо-государства», как организационные вместилища, которые еще предстоит наполнить национальным содержанием. Очевидно, что они при этом рассуждают в *националистической* парадигме, понимая нацию не как согражданство, а как этническое (этнокультурное) сообщество. Отсюда следует, что государство рассматривается как принадлежность определенной (этно)нации, призванное служить интересам данной (этно)нации – или, в формулировке Брубейкера, как государство определенной этнической группы, служащее интересам данной группы (*of* and *for* an ethnic group). Национализм правящих элит новых государств,

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

по Брубейкеру, представляет собой политический проект, реализация которого зависит от диспозиций на политическом поле. Последние можно изобразить в виде своеобразного треугольника (triadic nexus). Вершинами этого треугольника, наряду с «национализирующимся государством», выступают национальные (этнические) меньшинства и соседние страны, являющиеся для этих меньшинств «внешней этнической родиной». (В случае Хорватии в роли меньшинства выступают сербы, а в роли внешней этнической родины – Сербия, в случае Македонии эти роли выполняют албанцы и Албания, а в случае государств Балтии, Молдовы, Украины и Казахстана – русские и Россия, соответственно.) Согласно данной теоретической схеме, этнокультурная политика новообразованных государств будет определяться динамикой отношений внутри треугольников, а именно: зависеть не только от поведения руководства «национализирующегося государства», но и от того, как поведут себя национальные меньшинства и их государства-патроны.

Выдвигая свою концепцию в середине 1990-х, Брубейкер был склонен думать, что развитие ситуации в постсоветских «национализирующихся государствах» пойдет по следующему сценарию. Коль скоро государство здесь традиционно воспринимается как «собственность» этнонации (или «ядерной» нации - core nation) и коль скоро русские – как правило, крупнейшее этническое меньшинство – из этой нации де факто исключены[5], они будут стремиться к восстановлению своего публичного статуса. Они будут определять себя в национальных (а не в этнокультурных) терминах, а также проявлять подозрительность к либеральному пониманию гражданства, в котором правами наделяются индивиды, а групповая принадлежность публично иррелевантна. «Ибо в их глазах формально либеральные модели (гражданства) будут лишь идеологическим камуфляжем для, по сути, национализирующих и этнократических форм правления, обеспечивающих культурное доминирование и политическую гегемонию господствующей, государство-образующей нации» [14:49-50].

Последующие десятилетия, однако, не подтвердили этого предположения. Русские в постсоветских государствах избрали индивидуалистическую стратегию поведения (состоявшую в основном в адаптации к новым условиям или в эмиграции), а Россия – несмотря на громкую официальную риторику защиты соотечественников – действовала в русле международного права. Концепт «разделенного народа» на протяжении четверти века оставался достоянием маргиналов и не инструментализировался политическим бомондом [15],[16].

[5] А в случае Эстонии и Латвии они в значительной степени оказались исключены и де юре.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Равным образом по иному сценарию, нежели предсказанному Брубейкером, шло нациестроительство в постсоветских государствах. За исключением Эстонии и Латвии, которые по многим параметрам могут рассматриваться как наиболее показательные примеры «национализирующихся государств», страны-наследницы СССР проводили достаточно сбалансированную этнокультурную политику. В Украине правящие круги – несмотря на давление со стороны этнонационалистов – предпочитали говорить об украинской нации скорее как о гражданском, чем как об этническом сообществе. В Казахстане – опять-таки, несмотря на присутствие в официальной риторике этноцентричных обертонов – власти все же не провозгласили государство собственностью этнических казахов. И если бы эти строки писались до середины 2010-х годов, можно было бы констатировать, что теория Брубейкера не выдержала эмпирической проверки.

Между тем события последних пяти лет показали, что концепция «национализирующихся государств» (так же, как и связанная с ней модель «треугольника») вовсе не чужда фактам. С одной стороны, в двух крупнейших после России постсоветских государствах – Украине и Казахстане – принимаются более активные меры по культурной гомогенизации («национализации»), чем в прежние годы. С другой стороны, внутри самой России происходят симптоматичные изменения в сфере этнокультурной политики, которые, пусть и с целым рядом оговорок, можно описывать в терминах «национализации».

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

2 Нормативный аспект проблематики политической аккомодации культурных различий

Существует четыре основных подхода к решению нормативно-правовых проблем, возникающих по поводу корреляции между этнической принадлежностью и социальным неравенством, равно как и соответствующих им практических политик: противодействие дискриминации; защита меньшинств; сообщественная (консоциативная) демократия; мультикультурализм.

Противодействие дискриминации

В широком смысле дискриминация – это неправомерное проведение различий в обращении с людьми на основании того или иного классифицирующего признака (пол, возраст, раса, язык, этничность, религия и т.д.). В узком смысле дискриминация – это неравенство перед законом.

Понятие дискриминации имеет устойчивые коннотации с понятием справедливости. Люди, ставящие вопрос о своей дискриминированности, апеллируют к справедливости. Проблема неравенства, в самом деле, тесно связана с проблемой справедливости.

Здесь, однако, следует сделать два важных замечания. Во-первых, *не всякое неравенство несправедливо*. Во-вторых, *не всякое нарушение равенства является дискриминацией* (например, неравное обращение с более слабыми – когда от них не требуется выполнения тех же, скажем, спортивных или трудовых нормативов, которое ожидается от более сильных).

Парадигма дискриминации, при ее очевидных теоретических достоинствах, уязвима для критики. Остановимся на ее «минусах».

Первый из этих минусов связан с тем, что понятие дискриминации, строго говоря, противоречит логике рынка. Представление о недопустимости дискриминации (и, соответственно, необходимости ей противодействовать) вступает в конфронтацию с принципами, лежащими в основе рыночного общественного порядка. А именно: принципом свободы контактов, права распоряжаться своим имуществом, свободы выражения и т.д. Люди сами решают, кому сдавать (а кому не сдавать) свою квартиру, кого нанимать на работу, каких детей записывать в школу (а каким в этом отказать) и т.д.

Второй минус связан с тем, что на практике постоянно возникает проблема с установлением факта дискриминации – с доказуемостью того, что в определенном случае имела место именно дискриминация.

В современном капиталистическом обществе есть множество социальных дисбалансов – например, огромные различия в уровне дохода разных категорий

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

населения. Эти дисбалансы вызваны отнюдь не дискриминацией. Они суть структурное следствие определенного политико-экономического устройства. Но представители данных категорий населения и их защитники зачастую настаивают на обратном.

Иными словами, различия в позициях на социальной лестнице могут являться, а могут не являться результатом дискриминационных практик. Они, например, могут восходить к дискриминационным практикам, имевшим место в прошлом. Эти практики могли воспроизводиться на протяжении жизни многих поколений (как расовая сегрегация в США). Определенная этническая группа может находиться на низших ступенях социальной иерархии в силу множества причин (низкая социальная мобильность, связанная с рядом объективных обстоятельств, характер расселения, разные темпы модернизации на разных территориях и т.д.). И хотя, подчеркнем еще раз, в восприятии членов этих групп такое положение есть проявление дискриминации, это не так. Данное положение не является следствием чьих-либо *умышленных действий*.

Ситуация осложняется тем, что в публичном дискурсе обвинения в дискриминации приобрели чрезвычайную распространенность. Апелляция к принципу справедливости (по умолчанию, нарушенного в результате дискриминации) превратилась в рутинный аргумент в общественных спорах. Так, в российских дискуссиях с советских времен звучат упреки власти в несправедливой иерархии «национально-государственных образований», в неравном отношении к различным этническим группам (в тогдашней терминологии – в неравенстве «советских национальностей»). За этим скрывается традиция использовать термины дискриминация и неравенство в предельно широком, размытом смысле – как «обобщенную негативную характеристику государственных мер или политики в целом» [17].

Иными словами, здесь мы упираемся в ограниченную операциональность термина «дискриминация». Это выражение – и в особенности выражение «этническая дискриминация» – очень страдает от того, что на практике не всегда возможно провести различие между этнической дискриминацией (т.е. неравным обращением с людьми по этническому признаку) и иными действиями государства. Эти действия могут быть мотивированы соображениями чисто инструментального свойства, но выглядеть как адресованные определенной этнической группе. Например, в начале и в конце Второй мировой войны из прибалтийских государств были депортированы десятки тысяч жителей. Основанием служило их отнесение к «контрреволюционным элементам». Коль скоро подавляющее большинство этих людей были латышами, эстонцами и литовцами, эти репрессии выглядели как репрессии именно против этих этнических групп. А поскольку места проживания этих этнических групп центральные власти заселяли

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

русскими, картина приобретает однозначный этнический смысл. Именно этот смысл ей придают спикеры прибалтийских государств в ходе международно-политических дискуссий.

В-третьих, непреодолимые трудности практического характера возникают в связи с понятием «структурной дискриминации». Данное понятие отсылает к воспроизводству глубокого социального неравенства между представителями разных этнических (расовых) групп – в частности, между чернокожим и белым населением в США (но не только[6]). Несмотря на то, что, начиная с середины 1960-х годов все юридические основания для дискриминации чернокожего населения устранены, непропорционально большая его часть находится на грани или за чертой бедности. Как преодолеть это неравенство? Вводить элементы «утвердительного действия» (позитивной дискриминации)? Но это означает нарушение принципа равного обращения, т.е. недискриминации. Отказываться от этой практики, настаивая на принципе равенства всех граждан перед законом независимо от их расовых характеристик? Но это означает, что существующие диспропорции будут воспроизводиться в новых и новых поколениях, что чревато социальным взрывом. Ряд социальных теоретиков настаивают на том, что иного способа преодоления структурной дискриминации, кроме политики «позитивной дискриминации» не существует[7]. Кроме того, в их аргументации принцип «слепоты к различиям» (будь то различия расовые, гендерные, этнические, религиозные, а также связанные с возрастом и физической формой людей) на деле означает привилегирование вполне определенной группы (белых мужчин среднего возраста) и, соответственно, дискриминационные практики в отношении остальных [18].

Наконец, противодействие дискриминации, в том виде, какой эта практика приобрела в последние четверть века, ведет к тому, что понятие дискриминации утрачивает универсальный характер. Противники дискриминации все чаще сосредоточивают внимание не на индивидах, страдающих от дискриминации, а на группах. В этой логике индивид будет рассматриваться как жертва дискриминации не в силу конкретных обстоятельств, а в силу принадлежности к «дискриминируемой группе».

Отсюда вытекает весьма сомнительный подход к борьбе с дискриминацией, в основе которого лежит *презумпция виновности*. Бремя доказательств в делах по

[6] Более свежие примеры – ЮАР и Зимбабве.

[7] Политика «утвердительного действия» в отношении найма, а также приемы в вузы была запущена в начале 1960-х, и, в том или ином виде, существует в Америке до сих пор. Однако такая форма позитивной дискриминации, как прямые квоты для расовых меньшинств, стала уходить в прошлое с конца 1970-х. Толчком послужило решение Верховного суда 1978 г. по делу «Университет Калифорнии против Бекки». Теперь квоты в найме, а также в продвижении по службе могут применяться лишь по решению суда. Однако на деле нередко имеет место неявное применение квот.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

обвинению в (этнической) дискриминации возлагается не на истца, а на ответчика. Обвиняемая в дискриминации сторона должна доказать, что в том или ином конкретном случае дискриминационного обращения не было. Например, что отказ в приеме на работу такого-то лица с такой-то этнической принадлежностью не связан с предубеждениями по отношению к данной группе. Сомнительность такого подхода заключается, помимо прочего, в том, что он устанавливает неочевидные причинно-следственные связи между слабой представленностью людей определенной национальности (или расовой принадлежности) в той или иной фирме и кадровой политикой этой фирмы. Сам факт слабой представленности «меньшинств» считается основанием для подозрений в дискриминационном обращении с членами последних.

Оказываясь перед лицом таких обвинений (или их высокой вероятностью), руководители компаний стараются подстраховаться, укомплектовывая персонал так, что определенная его доля визуально принадлежала «меньшинствам»[8]. Тем самым происходит неявное применение квот, о котором мы упомянули выше. Преимущества для расовых меньшинств устанавливаются посредством следующих механизмов. Первый – «цели». Предприниматели и администрация вузов указывают, каких «целей» в смысле показателей расового разнообразия среди своих работников или студентов они намерены добиться. Другой механизм – формула «1+», что означает, что при отборе кандидатов – при прочих равных – предпочтение будет отдано представителю меньшинства.

Защита меньшинств

На практике данный подход означает систему изъятий и привилегий, что включает две составляющих:

обеспечение правого равенства тех, кто не принадлежит титульной этнической группе (основной «нации»);

противодействие их принудительной ассимиляции.

Данная парадигма в гораздо большей мере уязвима для критики, чем парадигма противодействия дискриминации.

Пожалуй, важнейший из моментов ее слабости заключается в *семантической расплывчатости исходного понятия*. В самом деле, что такое «меньшинство»? Данный термин может выступать как

(а) *способ категоризации населения* (последнее делится на «большинство» и «меньшинства», независимо от физических размеров этих категорий);

[8] Мы не можем не закавычивать этого слова, поскольку сами по себе фенотипические характеристики индивида ничего не значат с точки зрения его/её культурной принадлежности.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

(б) *описание отношений господства и подчинения* (к «меньшинству» относят тех, кто находится в подчиненном положении, пусть и символически, а не юридически; иными словами, вопрос о том, кто меньшинство, а кто нет – это вопрос о том, кто к кому должен приспосабливаться);

(в) *инструмент* (риторического или институционального) *включения тех или иных групп в политическое сообщество*. Например, в Российской федерации сложилась устойчивая традиция, согласно которой нерусские этнические группы обозначаются как «коренные народы», а не как «меньшинства».

Второе весомое возражение против данного подхода продиктовано тем, что проблематика равенства – то, что, строго говоря, возникает в отношениях *индивидов* – здесь истолковывается как проблематика отношений *групп*. В результате деятельность по обеспечению равенства утрачивает *универсальный* характер и превращается в *партикулярную* деятельность. Она обращена не ко всем людям, а к отдельным людям, не к людям как представителям человеческого рода, а к отдельным «группам».

И, наконец, нормативная уязвимость парадигмы защиты меньшинств заключается в том, что фокус внимания при ее применении смещается с *равных прав* на *особые права*.

Сообщественная демократия

Понятие «сообщественная демократия» неотделимо от понятия «многосоставное общество» (другие термины для выражения того же содержания – «многообщинность» и «многонациональность»). Оба термина ввел в исследовательскую литературу А.Лейпхарт [19]. В том же категориальном ряду находится и понятие «разделенное общество» (divided society). Объектом описания здесь выступают политические единицы (государства), население которых состоит их двух или более этнических или этноконфессиональных сообществ, находящихся друг с другом в весьма напряженных отношениях. Система управления подобными обществами основывается на паритете этнических групп.

Формы политической организации такого общества выглядят следующим образом:

территориальное деление, учитывающее расселение различных групп (их «компактное проживание»);

пропорциональное распределение ресурсов и власти между этническими группами;

символическое признание роли и места различных групп и их языков;

Слабости данной парадигмы лежат на поверхности.

Первое. Ситуация, когда государство понимает себя как союз этнических групп (и соответствующим образом выстраивает свою политическую систему) встречается крайне редко. Собственно, то, что предложил Лейпхарт, – это одновременно и описание теории управления таким объектом, как «многосоставное общество», и теория, в которой такой

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

объект конструируется. Практически работающих примеров данной теории найти довольно сложно. Даже приводимые самим автором примеры (Ливан, Израиль, Кипр, Малайзия, Нигерия, Бельгия, Нидерланды, Канада) требуют множества оговорок и уточнений.

Теоретический и практический вопрос, который ставит перед собой Лейпхарт: как возможна демократия в таких (этнически разделенных) обществах. Ответ, к которому он пришел, гласит: для того, чтобы демократия здесь могла функционировать, необходим ряд условий. Важнейшее из них: население состоит из *небольшого числа самоуправляемых сегментов, сопоставимых по численности и политической активности*. Условие, прямо скажем, трудно выполнимое, хотя бы по причине устройства – и динамики – демографической реальности в современных государствах.

Второе. Если предположить, что правительство некоторого многонационального государства решило управлять населением по «сообщественному» принципу, это решение чревато *неразрешимыми нормативными проблемами*. Индивиды, проживающие на «не своей» территории внутри государства, оказываются ограниченными в правах (например, в силу действия правила, согласно которому рабочие места в правительственных учреждениях распределены между группами).

Сама концепция групповых прав чревата – и логически, и практически – нарушением прав человека. Причем не только тех, кто не относится к данной группе, проживая на «её» территории, но и тех, кто к ней относится. Наделение правосубъектностью групп вместо индивидов порождает проблему меньшинств внутри меньшинства: определенные индивиды, в силу своей «принадлежности»/ отнесенности к группе, оказываются лишены права выбора образа жизни, языка, религии и т.д.

Третье. Принцип пропорционального представительства может давать сбои в результате нарушения пропорций (неизбежного по причине разных темпов рождаемости).

В 1980-е концепция «сообщественной демократии» уступила место концепции «разделения властей» (power-sharing). Суть концепции: распределение позиций в системе власти между этническими группами как условие компромисса (в противном случае неизбежен конфликт). При этом не идет речи о том, что каждая из этих групп образует автономный сегмент общества.

Механизмами «power-sharing» выступают:

сбалансированное участие в органах власти (баланс означает либо пропорциональность между размером группы и количеством ее представителей во власти, либо оговоренное законом увеличение числа таких представителей, компенсирующее малочисленность группы);

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

резервирование мест для представителей меньшинств в выборных органах власти (Хорватия, Словения);

преимущества для меньшинств на выборах (например, им не нужно преодолевать 5%-ый барьер, как в ФРГ и Румынии)

Мультикультурализм в контексте проблематики секуляризма

Еще в конце 1970-х гг. британский социолог религии Д. Мартин выделил несколько типов секулярности, сформировавшихся в рамках западного общества [20]. Очевидно, что за пределами западного мира исследователи сталкиваются с еще большим разнообразием в этой сфере. Отсюда концепция «множественных секуляризмов» [21-27], которая является аллюзией на известную теорию «множественных модерностей» Ш. Эйзенштадта.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

3 Организации культурного разнообразия в городском пространстве: случай Германии

Германия никогда не проводила официальную политику мультикультурализма на федеральном уровне. Отношение к мультикультурализму в Германии -- важная часть политической и когнитивной парадигмы, определяющей направление дальнейшего развития страны. В прошлом отношение к мультикультурализму разделяло общество на тех, кто способствовал или сопротивлялся трансформации Германии в иммиграционное общество. Сейчас это положение дел принимается обществом как действительное. Однако, если иммиграционный аспект немецкого общества принят немецким населением как факт, это не сопровождается в основном положительным отношением к культурному многообразию и публичной репрезентации меньшинств как сообществ. Тем не менее, некоторые интеграционные меры, преподнесенные как «мультикультурные», были предприняты в Германии, поэтому мы можем сказать, что *элементы* мультикультурной политики присутствуют. Однако основные меры в отношении мигрантов предпринимаются в Германии на муниципальном уровне. Многие города уже стали мультикультурными, процент мультиэтничного населения достигает трети горожан. Важнейшей частью таких мер является культурная политика и поддержка культурных индустрий. Мы сфокусируем наше внимание на Берлине, Франкфурте и Гамбурге и отдельных районах с повышенной миграционной частью населения, которые стали новыми центрами культуры города, и торжественной культурной политике и индустрии этнического культурного наследия.

Мы разделим понятия «мультикультурализм» и «мультикультурная политика» с целью разграничения идеологической повестки на символическом уровне и прикладной/инструментальной политики в отношении этнических меньшинств. Под мультикультурной политикой мы понимаем такой вид политики многообразия, в котором проводятся меры, распространяющиеся за пределы базовых гражданских и политических прав, гарантированных всем индивидам в либерально-демократическом государстве, расширяющие уровень общественного признания и поддержки этнокультурным меньшинствам с целью поддержания и выражения/сохранения их отличающихся идентичностей и практик. Одновременно с поддержкой этнокультурных меньшинств, мультикультурализм предполагает экзотизацию мультиэтничных культур, уравнивает этническое и социально-экономическое, что может прямо противодействовать процессу интеграции.

В основном, политические исследования международной миграции рассматривают этот сюжет с национальных и международных углов, но не на муниципальном уровне.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Однако последствия международной миграции проявляются по преимуществу на локальном уровне, провоцируя реакцию именно муниципальных властей и городского населения.

Что такое культурное наследие и как оно должно быть репрезентировано определяется доминирующими социальными дискурсами. Индустрии культурного наследия предоставляют возможности для саморепрезентации и заработка этническим меньшинствам. Включенные в индустрию этнические группы “используют” должны принимать ее критерии и значения установленные “сверху”. Однако, как мы полагаем, многие мероприятия, получающие в исследуемых нами городах финансовую поддержку, организуются самими мигрантами. Основной фокус нашего исследования приходится на фестивали мультиэтнического наследия, организованные “снизу”.

Этническое наследие как эстетический феномен и деятельность, базирующаяся на экспрессивном потенциале этнических групп, часто презентуется как символ сосуществования разнообразных культур и гетерогенности города, одномоментно выделяя отличия и конструируя «Другое». Ключевое противоречие здесь заключается в следующем: политически мотивированный спрос на культурную ассимиляцию и социальную интеграцию сопряжен с рыночным спросом на культурное разнообразие и этнические культуры. Отражение культурного наследия функционирует как инструмент городского обновления и джентрификации, который гармонизирует социальные противоречия и трансформирует части города, в которых фестивали проводятся в символические городские пространства, эстетизированные под интересы потребителей. Культурные фестивали отождествляют этничность, сообщество и культурное наследие, таким образом происходит культурализация социального положения этнических меньшинств.

Восстановление экономики послевоенной Германии требовало огромного количества рабочей силы, приглашения иностранных рабочих (gastarbeiter), в основном, из Южной Европы и Турции. Понимание национального сообщества как сообщества, связанного по принципу страны происхождения, долгое время блокировало возможность включения в немецкое общество новых членов, этнически не являющихся немцами. В течение 1950 —1970-х годов власти ФРГ ориентировались на стратегию сегрегации: гостевые рабочие (Gastarbeiter), были исключены из культурно-политического сообщества принимающей страны. В официальном политическом и социально-бытовом дискурсе иммигранты именуются «иностранцами» (Ausländer), что характеризует восприятие временного характера их пребыванияи отсутствие политических прав [28]. В то же время этнические немцы, прибывающие в Германию из России “по праву крови” (Aussiedler)

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

получают полные социальные и экономические права на условиях принадлежности к нации [29].

В ожидании нефтяного экономического кризиса федеральным правительством было принято решение ввести запрет на дальнейший ввоз в Германию иностранной рабочей силы от 22 ноября 1973 г. (Anwerbestopp). Этот запрет предотвратил дальнейшее рекрутирование рабочих, но имел побочные последствия: запрет повлиял на решение иммигрантов, имевших долгосрочные контракты, остаться в стране и привезти в Германию свои семьи. Правительство и политические партии не сразу отреагировали на изменяющуюся реальность. До 1977 в ФРГ не было широкой политической стратегии (Ausländerpolitik) по решению иммиграционного вопроса, который бы рассматривал мигрантов не только как рабочую силу. Следуя идеалам «этнически гомогенного национального государства» , новое положение подтверждало, что Германия не являлась “иммиграционной” страной, поощряло гастарбайтеров к отъезду на «историческую родину». [30],[31]. Идея заключалась в предотвращении/препятствовании процессам заселения бывших гостевых рабочих и сведению уровня перманентной иммиграции к минимуму [32].

После объединения ФРГ и ГДР отношение к мультикультурной повестке выступало камнем преткновения между сторонниками и противниками признания Германии в качестве иммиграционной страны [32]. Если за последние два десятилетия неотъемлемость иммиграции, хоть и с оговорками, но была принята немецким обществом как факт, то ситуация с присутствием этнических меньшинств в публичной сфере обстоит несколько сложнее. Несмотря на то, что Германия никогда не проводила официальную политику мультикультурализма на федеральном уровне, некоторые интеграционные меры, которые можно квалифицировать как «мультикультурные», были предприняты на муниципальном уровне. Эти меры направлены на усиление публичной заметности мигрантов посредством культурных практик. Мы сфокусируемся на том, как такого рода мультикультурная политика проводится в Берлине, Франкфурте-на-Майне и Гамбурге.

При участии канцлера от партии Консерваторов Хельмута Коля, были первые шаги в направлении к официальному признанию гостевых рабочих иммигрантов как граждан. В то же время, новые потоки иммиграции были ограничены правом на убежище. Политическая ситуация претерпела изменения под влиянием коалиции Социально-Демократической и “Зеленой” партий (1998), когда было представлено право натурализации по принципу происхождения. На официальном уровне (де-юре) Германия, в отличие от многих стран ЕС, не допускает наличия гражданства двух и более государств. Принимая в учет неустойчивое социальное и экономическое положение в

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

принимающей стране, многие иностранцы не могли отказаться от гражданства страны происхождения. В то время как правительство социал-демократов и “зеленых” продвигали реформу Закона о гражданстве, консерваторы предпринимали действия по направлению символической репрезентации религиозного многообразия и важности интеграции мигрантов [32].

Консервативные политики, похоже, задают тон интеграционным дебатам. Но любой план публичных дебатов должен, конечно, включать и других участников. Социал-демократы (СДПГ) никогда однозначно не придерживались политики этнического плюрализма. В 2006 году публично был представлен политический документ СДПГ, одобренный ведущим органом (Prasidium), который занял позицию, столь же далекую от правого популизма и от «мультикультурных мечтаний». Мигрантам настоятельно рекомендовалось “прилагать больше усилий для интеграции и более четко выражать свою поддержку конституции” (!). В то же время программные тексты часто включают заявления, подчеркивающие ценность культурного разнообразия. Таким образом, фракция СДПГ в федеральном парламенте подчеркнула, что «разные жизненные миры, ценности, традиции» людей из разных стран происхождения способствовали формированию немецкого общества. Жить вместе требовало взаимного признания этого культурного разнообразия (SPD-Bundestagsfraktion 2006). Часто это были документы и речи, адресованные более широкой аудитории, которые направлены на то, чтобы напомнить мигрантам об их обязанностях и определить пределы терпимости. В целом социал-демократы более склонны, чем консерваторы, подчеркивать ценности разнообразия, но их позиции во многом совпадают, и социал-демократы иногда кажутся более боязливыми ксенофобскими избирателями, чем христианские демократы.

Партия «зеленых», которая когда-то была ключевым представителем мультикультурализма, позже предпочитает более осторожный подход. Нападения на дискриминацию и расизм, а также требования об активном продвижении культур меньшинств, представительства групп и пр. отошли на второй план. Вместо этого политики Зеленой партии теперь подчеркивают, что самим иммигрантам нужно больше соответствовать культурному мейнстриму.

Однако в политических дебатах по-прежнему звучат голоса, отстаивающие ценности разнообразия, иногда явно под названием «мультикультурализм». Социал-демократы и Партия зеленых вызвали критику за то, что они явно не привержены ценностям множественного общества. Комиссар Берлинского сената по вопросам интеграции и миграции публично настаивал на том, что мультикультурализм в

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

правильной его интерпретации является полезной концепцией для описания потенциалов, которые предоставляет разнообразие будущего немецкого общества [33].

Иммигранты непропорционально разделены в немецких главных городах-центрах. В период, когда федеральное правительство поддерживало мнение, что Германия не была “иммиграционной страной”, именно на муниципальных правительствах лежала ответственность/необходимость справляться с последствиями массовой иммиграции [34]. Позже, немецкие города следовали федеральному указу по применению интеграционных программ, направленных на улучшения доступа иммигрантов к главным социальным институтам [35].

В какой-то степени новые организации представляют собой альтернативы более ранним Консультативным советам иностранцев (Ausliinderbeiriite). Ограниченная популярность таких политических органов среди иностранных граждан и их крайне ограниченные права [36]. Этнические организации или мероприятия, время от времени в очень ограниченных масштабах, получают финансирование от федеральных, региональных и местных органов власти.

Что такое культурное наследие и как оно должно быть репрезентировано определяется доминирующими социальными дискурсами. Культурные индустрии предоставляют возможности для саморепрезентации этническим меньшинствам [37], получающие доступ на эти площадки в рамках мультикультурной политики. Включенные в индустрию меньшинства вынуждены принимать ее критерии и значения, установленные «сверху». Однако, как мы полагаем, многие мероприятия, получающие в исследуемых нами городах финансовую поддержку, организуются самими мигрантами. Основной фокус нашего исследования приходится на мультикультурные фестивали с участием иммигрантов, организуемые некоммерческими организациями.

Мы рассмотрим мультикультурные мероприятия как способ репрезентации и культурной идентификации индивидов и групп; и постараемся ответить на следующие исследовательские вопросы. Как реализуются элементы мультикультурной и интеграционной политики в современной Германии с 1970-х гг. по настоящее время? Как функционирует государственно-частное партнерство в культурной индустрии этнических мероприятий, инициированных мигрантами в указанных городах?

Далее будет приведена историческая справка о политических, социальных и культурных проблемах, связанных с миграционной политикой в Германии в период с 1970-х гг., а также обзор институционального аспекта муниципальной культурной миграционной политики в исследуемых городах. Далее будет приведен анализ онлайн-источников с целью выделения сходств и различий мультикультурных политик указанных

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

городов на примере самых крупных мультикультурных фестивалей перформативных практик. Среди таких источников: исследовательские статьи и книги, публицистика, статистические данные и официальные государственные и муниципальные положения по финансированию и поддержке национальных организаций, обзоры культурных мероприятий и интервью с их организаторами.

Федеральным землям и муниципальным правительствам отводится большая роль в политике интеграции иммигрантов. В период, когда федеральное правительство отказывалось открыто признавать тот факт, что Германия была «иммиграционной страной», именно на муниципальных правительствах лежала ответственность в вопросах интеграции нового населения в немецкое общество [38]. Позже, в 1980-х гг., когда стало очевидно, что интеграция мигрантов необходима, немецкие города сыграли основную роль в реализации федеральных программ, направленных на облегчение доступа к основным социальным институтам для иммигрантов. В этой части работы, помимо политики интеграции, проводимой в рассматриваемых нами городах, мы проанализируем практики публичной репрезентации мультикультурного наследия, в которых принимают участие мигрантские сообщества.

Наш выбор трех немецких городов — Берлина, Франкфурта-на-Майне и Гамбурга обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, они лидируют по численности населения с миграционным бэкграундом в Германии. Во-вторых, именно в этих городах фестивали перформативных искусств организуются при поддержке муниципальных структур. В силу большой численности «иностранного» населения в каждом из этих городов предпринимаются различные интеграционные меры, осуществляется финансовая и юридическая поддержка, адресованная национальным общинам и индивидам иностранного происхождения. Мы хотим проанализировать, насколько развита поддержка мультикультурных инициатив в рассматриваемых городах.

После воссоединения Германии Берлин переосмысляется как федеральный центр, ворота в Восточную Европу и во многих отношениях как глобальный город. С 1990-х годов в Берлине появился ряд важных общественных инициатив, которые могут быть названы «мультикультурными». Такие инициативы, в частности, включают поддержку различных ассоциаций и проведение акций и проектов, направленных на поощрение публичной заметности этнического и культурного разнообразия, как актуализации проблем мигрантского населения. Многие такие инициативы приобрели особую актуальность после событий в Мельне и Золингене, и были направлены не только на борьбу с расизмом, но и на поощрение толерантного отношения к новому притоку людей и культурных явлений. В общей численности населения Берлина (3,6 млн. Человек)

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

так называемые иностранцы (Ausländer) составляют 12 процентов или более 406 600 человек. Начиная с конца 1980-х годов, в Берлине появилось множество новых организаций, занимающихся мультикультурной политикой, и спонсировавшихся муниципальным правительством. По состоянию на сегодняшний день эти организации имеют четко сформулированную повестку: способствовать развитию культурного разнообразия. Они задействованы в поддержке культурных мероприятий самого разного характера: от образовательных курсов и семинаров до концертов этнической музыки. Эта поддержка заключается в создании и проведении мультикультурных мероприятий, финансовой поддержке некоторых инициатив и предоставлении площадок для различных проектов культурного разнообразия. В какой-то степени новые организации представляют собой альтернативы более ранним Консультативным советам иностранцев (Ausländerberäte), которые не были популярны среди иностранных граждан в силу сложностей бюрократического характера. Национальные общины и организаторы мероприятий время от времени получают скромное финансирование от региональных и местных органов власти, таким образом муниципальная поддержка в основном носит ситуативный характер.

У Берлина, безусловно, нет недостатка в институтах и ассоциациях, связанных с продвижением мультикультурализма в той или иной форме. К ним относятся:

Дом культур мира (Haus der Kulturen der Welt), который служит выставочным залом, центром для конференций и семинаров (для академических, политических и литературных мероприятий), концертной и фестивальной площадкой.

Культурная ассоциация (Kulturverein Prenzlauer Berg), где проводятся лекции, публичные дискуссии, видеопоказы;

Европейский центр миграции (Europäisches Migrationszentrum), который организует выставки и конференции.

Уполномоченный орган/ комиссариат по делам иностранцев (The Commissioner for Integration and Migration of the Berlin City), (Ausländerbeauftragte) предлагает комплексные консультационные услуги, решает социальные и правовые проблемы. Организация может оказать персональную помощь в чрезвычайных ситуациях и организует учебные курсы по борьбе с дискриминацией и насилием. Он также дает советы в случаях дискриминации и поддерживает ассоциации, клубы и общественные инициативы иностранных сограждан.

«Мастерская культур» (Werkstatt der Kulturen) (существовала до 2019 года) — мультикультурный проект, финансировавшийся средствами городского бюджета (существовал по 2019 год), который позиционирует себя как «центр различных этнических, религиозных и культурных общин Берлина» и «недискриминационную

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

в культурном и политическом отношении платформу для художников, интеллектуалов и независимых объединений».

Некоммерческий культурный центр OYOUN (Переосмысление культуры/Kultur NeuDenken) разрабатывает и реализует художественно-культурные проекты с точки зрения деколониальности, квир, феминизма и миграции. OYOUN представляет собой платформу для критических дискуссий, спектаклей, театра, литературы, танцев, музыки и многого другого «с целью создания интерсекциональной платформы для превосходного искусства диаспоры, мигрантов и международного искусства и культуры, места для диалога между местным, национальным и установить международные проблемы на художественном уровне».

Организация пришла на место «Мастерской культур» в 2019 году: был проведен тендер на основание новой организации с похожими целями и функциями. Таким образом, победившая в тендере на 980 тыс евро организация заняла место «Мастерской Культур» и теперь расположена на ее месте.

Piranha Arts A. G. — независимая креативная группа, занимающаяся продвижением и организацией различных культурных проектов музыкального характера как в Берлине, так и за его пределами.

более 500 этнических организаций в городе, многие из которых координируют информационные центры, выставки, курсы, конференции, фестивали, театральные постановки и пр.

В Берлине проводятся различные мероприятия, направленные на поощрение и пропаганду культурного разнообразия. Особая роль в организации перформативных мероприятий отводится «Мастерской культур». Основные мультикультурные мероприятия проводились на этой площадке и под ее руководством, например крупный фестиваль «Фестиваль духовной музыки и танца». «В 2013 году „Фестиваль“ продемонстрировал религиозные музыкальные и танцевальные традиции художников и религиозных общин международного сообщества из Берлина, а также показы фильмов, лекции, дискуссии и выставки».

Франкфурт-на-Майне — пятый по величине город в Германии с населением 732 т ч (2015). 40% его населения составляют люди с миграционным прошлым. Таким образом, Франкфурт-на-Майне — это муниципалитет с самой высокой долей мигрантов в Германии. Франкфурт стал одним из мировых центров не столько в силу пропорции жителей немецкого и ненемецкого происхождения, сколько благодаря той роли, которую он играет в глобальной экономике.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Во Франкфурте, как и в остальных крупных немецких городах, никогда не было гомогенных в этническом отношении районов (Auslander Stadtteil). Районы, в которых сконцентрированы жители с иностранным происхождением всегда этнически разнообразны. Как правило, в таких районах половину населения составляют немецкие граждане, а другую половину — иммигранты с различными бэкграундами. Подобная мультиэтничная среда способствует культурной гибридности.

В 1960-х гг. интеграция иммигрантов и их социальное и финансовое положение были большой проблемой Франкфурта. Местные активисты начали организовывать протесты против затруднения доступа к социальным благам для мигрантов. Протестующие впоследствии участвовали в образовании партии «Зеленых», и они были первыми, кто затронул тему интеграции и политического участия этнических меньшинств в местном самоуправлении. В начале 1990-х годов, когда некоторые города восточной Германии столкнулись с расистскими погромами, партия «Зеленых» во Франкфурте искала поддержки прочих политических партий для установления продвинутой формы мультикультурной политики, предполагающей расширение прав и возможностей мигрантов при сохранении их национальной идентичности. Во время кратковременной коалиции с СДПГ «Зеленые» намеревались сделать город «лабораторией» альтернативной политики [39]. Франкфуртская интеграционная политика была вдвойне инновационной. Во-первых, было принято решение институционализировать мультикультурализм как основу административной системы с помощью создания официального департамента, специализирующегося на мультикультурных проблемах, и влияющего на все департаменты муниципальной администрации. Во-вторых, мэр города был назначен ответственным за вопросы интеграции. Этот подход к мультикультурализму можно охарактеризовать как «расстановку акцентов в интеграции иностранцев и убежденности в важности институциональных форм поощрения этнического разнообразия» [39].

Важнейшие организации, ответственные за интеграцию мигрантов в культурную жизнь Франкфурта, — это:

Муниципальное представительство иностранных граждан (KAV), которое выступает за интересы всех жителей Франкфурта без немецкого гражданства. Представительство консультирует городские комитеты по всем вопросам, которые касаются мигрантов. Оно проводит политику локальной интеграции, борясь против изоляции и дискриминации, а также агитации в пользу разнообразия культур, религий и языков как общественного блага. К целям представительства относится также улучшение образовательных возможностей детей и подростков с миграционным

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

прошлым, их интеграция в детских садах и школах, а также поддержка мигрантских гражданских инициатив.

Департамент по Мультикультурным Делам (AMKA), которое предлагает различные инициативы для усиления политики интеграции на муниципальном уровне. Департамент отличается от традиционных административных структур, занимающихся проблемами интеграции, тем, что он регулирует работу других департаментов над проектами мультикультурного общества. AmkA отстаивают идею о том, что социальная сплоченность — важнейшая общественная моральная установка, в соответствии с другими задачами правительства. AmkA стал основным координационным центром по всем городским вопросам, связанным с разнообразием, интеграцией и миграцией. AmkA поддерживает контакты с культурными ассоциациями, религиозными общинами и гражданскими инициативами. Однако критики отметили, что AmkA уделяет слишком много внимания проблемам коммуникации между мигрантами и местными жителями и урегулированию межнациональных конфликтов внутри города, в то время как на практике не затронуты другие сложности, с которыми сталкиваются этнические меньшинства (например, безработица и социальная сегрегация).

Во Франкфурте ежегодно проводятся многочисленные семинары, широко оказывается поддержка творческим площадкам и ассоциациям, но крупных мультикультурных мероприятий не так много.

Гамбург — дорогой для проживания портовый город- метрополия с населением 1,8 млн чел. В Гамбурге, как и во многих других городах Германии, есть поликультурные районы. Абсолютное большинство людей с миграционным прошлым проживают в Бильштедте, Вильгельмсбурге и Ральштедте. В Биллбруке и на Ведделе самая высокая доля населения с миграционным прошлым — более 70 процентов.

В Гамбурге проводится развитая интеграционная политика, направленная на поддержку малообеспеченных групп, в частности, мигрантов, но менее развита мультикультурная политика, выражающаяся в организации крупных мультикультурных фестивалей перформативных практик. У мигрантских общин есть возможность получить финансирование на небольшие проекты. В настоящее время интеграция иммигрантов все еще представлена как одна из важнейших повесток муниципального правительства.

Приведем цитату из «концепции интеграции Гамбурга»: «Более широкая культурно и этнически разнообразная аудитория может быть достигнута путем преднамеренного обращения к людям с миграционным прошлым и предоставления им возможностей для участия в общественной жизни. Одним из путей развития может быть более пристальное

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

внимание к проблемам, с которыми сталкивается общество, сформированное мигрантами, и истории иммиграции каждой группы».

Далее представлены некоторые из структур, регулирующих мультикультурные проекты в Гамбурге. Первая из них – это Ведомство культуры и медиа города Гамбург (Behörde für Kultur und Medien). Вторая – Мультикультурная мастерская (Multikulti werkstatt e. V.). Мультикультурная мастерская существовала в качестве некоммерческой организации, которая способствовала комплексной интеграции беженцев и мигрантов в различные сферы общественной жизни Гамбурга.

Крупные уличные мероприятия в Гамбурге лишь в редких случаях акцентируют внимание на этническом и культурном разнообразии, например, «Altonale» — уличный фестиваль, не делающий акцент на миграции и этничности. Крупные мультикультурные фестивали в последние годы в основном ограничиваются ярмарками и выставками. Один из немногих фестивалей перформативных искусств последних лет — это африканский фестиваль «Алафия». Фестиваль спонсируется культурным ведомством Свободного и Ганзейского города Гамбурга и прочими не названными спонсорами.

Далее мы остановимся на организационных аспектах крупнейших фестивалей мультиэтничных перформативных практик. Мы фокусируемся на перформативных аспектах фестивалей, поскольку в Германии проводится большое количество ярмарок, представляющих культурное разнообразие, но они не репрезентативны для нашего исследования. Все три фестиваля, которые мы рассматриваем далее, созданы по единому образцу, что позволяет нам сконцентрироваться на институциональных аспектах организации и муниципальной поддержки. Среди них: «Карнавал культур» в Берлине, «Парад культур» во Франкфурте и «Фестиваль Культур» в Гамбурге.

«Карнавал культур» в Берлине — одно из важнейших мероприятий, организованных «Мастерской культур» для развития культурного многообразия. Он был создан в 1996 году и впоследствии стал одним из крупнейших летних фестивалей под открытым небом в Европе, направленных на поддержку культурного разнообразия. Ежегодно его посещает около миллиона человек. На официальном сайте «Карнавала» указано, что фестиваль стал «реакцией на ксенофобские беспорядки, которые ознаменовали первый тревожный поворотный момент с расистскими нападениями в Ростоке-Лихтенхагене ». Четырехдневный фестиваль в Берлине состоит из ярмарки ремесел, танцевальных и музыкальных выступлений, представления национальных костюмов, приготовления традиционной еды и продажи этносувениров. Фестиваль завершается карнавальным шествием, маршрут которого растянут на 3,5 км.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Франкфуртский «Парад культур » проводится с 2003 года и в 2018 году прошел в 11 раз. В демонстрации 2018 года приняли участие более 45 групп, в общей сложности около 2000 человек, более 20000 посетителей вдоль демонстрационного маршрута стали свидетелями парада.

Гамбургский «Фестиваль культур» проводился с 2001 по 2009 год. После 11 сентября 2001 года, в ответ на террористические акты в США, Сабина Кулау, активистка мультикультурализма и поддержания окружающей среды, инициировала «Фестиваль культур», «чтобы жители Гамбурга узнали и оценили разнообразие культур города». В программе фестиваля сценические представления различных этнических коллективов, уличный парад (до 2008 года), «Базар культур» — ярмарка с ремесленными товарами. В 2008 году было на фестивале было 100 000 посетителей, принимало участие более 400 артистов различных музыкальных направлений из более 80 стран.

В течение 19 лет организатором фестиваля в Берлине выступала «Мастерская». С 2016 года оператором Фестиваля является организация Piranha Arts AG. У фестиваля имеется собственная рабочая группа и команды волонтеров.

«Круг молодежи Франкфурта» (Frankfurter Jugendring (FJR)) с 2003 года организует «Парад культур», он является зонтичной организацией из 29 молодежных ассоциаций. Проводится открытое обсуждение будущего проекта, рабочие группы приглашают желающих помочь с логистикой фестиваля, поскольку не справляются с количеством участников.

Ассоциация «Kulturwelten Hamburg e. V.» была основана организаторами «Фестиваля культур» в Гамбурге непосредственно для работы над фестивалем. Ассоциация получила награду 3-й Гамбургской премии за свою работу по содействию интеграции. Фестиваль проводился на основе кампуса Гамбургского университета вокруг Allendeplatz.

«Мастерская культур» спонсировала берлинский фестиваль на деньги городского бюджета до 2015 года, а также благодаря поддержке Радиостанции «Мультикульти», которая существует на пожертвования. Значительная часть расходов в последние годы проведения фестиваля оплачивается Департаментом Сената по Культуре и делам Европы, кроме того: Berliner Sparkasse, Berliner Wasserbetriebe, GSG Berlin, Johanniter-Unfallhilfe e. V.

Спонсорами «Парада культур» во Франкфурте на протяжении многих лет выступают:

Управление по межкультурным вопросам (AmkA)

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Муниципальное молодежное образовательное агентство (управление по делам молодежи и социального обеспечения)

Местное представительство иностранцев (KAV)

Frankfurter Entsorgungs- und Service GmbH (FES).

Роль муниципального финансирования франкфуртского фестиваля очень большая, поскольку организаторы фестиваля не требуют комиссии с продажи товаров на ярмарке. Однако в 2017 году бюджета фестиваля оказалось недостаточно для установления дополнительных стендов для ярмарки. Организаторы заявили, что требования безопасности требуют «серьезного изменения существующей концепции либо значительно более высокого бюджета». На сайте мероприятия указано, что «стенды на рынке эксплуатируются исключительно некоммерческими организациями». Доходы от продажи товаров используются участниками для финансирования работы их ассоциаций. Организаторы подчеркивают некоммерческий формат фестиваля: «Каждый, кто разрабатывает парад культур, делает это не ради финансовой выгоды, а за то, чтобы отстаивать разнообразие и мирное сосуществование во Франкфурте.»

Гамбургский фестиваль на протяжении всего периода своего существования сильно зависел от финансовой поддержки муниципалитета. Средств оказалось недостаточно уже в 2008 году, и центральная часть «Парада культур» — карнавал, был отменен. По словам С. Кулау, директора фестиваля, одна треть расходов фестиваля окупается комиссией с продажи товаров на ярмарке, вторая треть — поддержка со стороны власти Гамбурга. Фестиваль постоянно переживал недостаток финансирования, и муниципальная поддержка была полностью прекращена в 2009 году. Частные спонсоры не проявили интереса к «Фестивалю культур» из-за последствий экономического кризиса 2008 года, и фестиваль был закрыт.

Изначально участники всех трех фестивалей приглашались организаторами, и далее представители различных общественных организаций участвовали в подготовке и проведении фестивальных действий в последующие годы. Сейчас на сайте действующих берлинского и франкфуртского фестивалей можно подать заявку на участие, как коллективам, так и индивидуально. Франкфуртский «Парад культур» предлагает представителям различных групп присоединиться к открытому обсуждению организационных планов на будущий год. В то же время в заявлении организаторов Гамбургского фестиваля от 2008 года указано, что организаторы не могут принимать новых артистов, поскольку не могут справиться с масштабом мероприятия.

Организаторы фестивалей ориентируются на максимально широкий спектр участников и целевой аудитории. Характер мероприятий и мотивации участников так же

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

широко ранжируются: на фестивале есть место для выражения самых разных намерений «будь то глубокая связь со своими корнями, борьба за окружающую среду, безумное звучание в этом музыкальном празднике или четкое политическое заявление».

Создатели фестивалей так же отмечают, что представляют исключительно важное пространство для презентации культурного разнообразия городских общин. Организаторы берлинского «Карнавала культур» особенно подчеркивают необходимость сделать представленные на фестивале культуры «видимыми» для широкой общественности. В своей риторике они делают акцент на «сближение иностранных и отечественных культур».

«Мы стремимся к тому, чтобы живые и необычайно разнообразные образы жизни людей в Гамбурге и его окрестностях стали более публичными. Мы хотим жить в мире, который существует только благодаря множеству разных культур».

Ключевыми для понимания риторики фестиваля в Берлине мы считаем фразы: «красочный оазис», «танец воображения и радости», «радостное заявление для открытого и межкультурного общества». Подобная саморепрезентация может рассматриваться как результат экзотизации культур мигрантов посредством выделения этих культур как необычных, «Других», что противоречит цели организаторов сблизить культуры мигрантов и населения немецкого происхождения.

Организаторы «Парада культур» подчеркивают актуальность проблемы проявлений ксенофобии и дискриминации в современном Франкфурте. «Учитывая нынешнюю политическую ситуацию, в которой правые народники разжигают ксенофобию и страхи и резко расширяют границы того, что можно сказать, нам особенно важно дать понять, что мирное сосуществование в этом городе должно оставаться основой и целью всех демократических сил». Делая акцент на истории города и специфике Франкфурта как многонациональной метрополии, организаторы подчеркивают важность равноправия и культурного разнообразия (заявление членов ассоциации Frankfurter Jugendring от 28 января 2016 года).

Концепции радости и позитива в самопрезентации гамбургского «Фестиваля культур» выстраиваются как ответ на выстраивание ассоциаций между присутствием мигрантов и ростом националистических настроений в публичной риторике: «Интеграция также должна быть позитивной, она не всегда должна быть связана с проблемами. Первый шаг должен быть о радости. Я считаю это чрезвычайно важным. Мы живем в мире, где страхи растут, отчуждение, насилие увеличивается, нас засыпают предупреждениями о терроризме...» По поводу закрытия фестиваля Сабина Кулау, генеральный директор и инициатор «Фестиваля культур», говорит: «Нам часто говорили, что

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

мы не соответствуем „гамбургскому бренду“». Возникает вопрос, что входит в понятие «гамбургский бренд»? Мы полагаем, что это может быть связано с высоким средним уровнем жизни в Гамбурге и спросом на более прогрессивные формы перформативного искусства, в частности, постдраматический театр, альтернативная музыка и т. п. Такие проекты могут быть созданы мигрантами, но их происхождению и принадлежности к определенной этнической группе не уделяется первоочередное внимание.

На примере трех крупных мультикультурных уличных фестивалей мы показали, как функционирует государственно-частное партнерство в сфере культурной индустрии в Берлине, Франкфурте-на-Майне и Гамбурге. Кроме того, мы постарались определить, как реализуются элементы мультикультурной и интеграционной политики в современной Германии в период с 1970-х гг. по настоящее время. Далее мы приведем итоги проведенного анализа всех трех кейсов.

Фестивали строятся по одной модели и направлены на достижение одних и тех же целей:

сформировать более толерантное отношение общественности к ущемленным группам.

вывести образы «Других» культур в публичное пространство

закрепить культурные различия как часть облика города

предоставить мигрантам площадку для саморепрезентации коллективных идентичностей и сбора средств для поддержки их этнических организаций.

Организаторы подчеркивают, что фестивали способствуют «расширению прав и возможностей», для «тех, кто культурно и интегративно активен в течение всего года». Однако помимо более широкой аудитории для артистов разного происхождения именно в контексте их национальной и этнической идентичности, а так же сбора средств для поддержки ассоциаций мигрантов и диаспор, — никакие другие права и возможности мигрантов напрямую не расширяются посредством участия в таком фестивале.

В то время, как организаторы отмечают свое намерение «сблизить иностранные и отечественные культуры», происходит скорее обратное, поскольку такая репрезентация скорее закрепляет различия, чем стирает границы.

Роль муниципального финансирования во всех рассмотренных случаях чрезвычайно высока: без подобной поддержки мероприятия вынуждены закрываться, как в случае с гамбургским «Парадом культур». Городская политика в отношении мультикультурных фестивалей перформативного искусства в рассматриваемых городах отличается, в первую очередь, объемом финансирования. В Берлине выделяются большие средства на образование новых проектов (например, выделено 980000 евро

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

на формирование организации OYOUN). В Берлине больший, чем в остальных городах масштаб и количество мультикультурных мероприятий. Есть спрос на возникновение новых площадок, поддерживающих культурное разнообразие.

Мигрантские сообщества Франкфурта могут легко получить финансирование через AmkA, создается множество небольших проектов. Учитывая размер города и объем населения во Франкфурте, мы можем утверждать, что в процентном соотношении выделенных средств для развития мультикультурных практик, перформативных презентаций культурного наследия, больше, чем в Берлине.

Гамбург предлагает мигрантам множество интеграционных мер, но мультикультурные практики развиты значительно меньше, чем в других двух городах. Стратегии современного Гамбурга в отношении крупных фестивалей, подобных рассмотренным выше, в основном, нацелены на более прогрессивные формы современного искусства и более локальные мероприятия. С 2009 года «Фестивалю культур» не было альтернатив среди мультикультурных фестивалей, сходных по масштабу проекта (количеству участников и посетителей). Однако мигранты так же, как и прочие ущемленные группы, могут получить финансовую поддержку для своих небольших культурных проектов. Дальнейшее исследование эффективности системы финансирования перформативных мультикультурных проектов во всех трех городах потребует большего анализа именно небольших мероприятий.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

4 Изучение законодательных новелл, а также мотивировочной части решений, вынесенных судами по вопросам, касающимся публичных проявлений культурных различий

В 2007 году Организация Объединенных Наций принимает Декларацию о правах коренных народов [40]. И хотя впервые об автономности и самоопределении народов указывалось еще в статье №1 устава ООН от 1945 г., даже после принятия Декларации в 2007 году вопрос о предоставлении прав коренным народам в разных государствах остается спорным [41]. Является ли культурная идентичность основанием для предоставления особых условий пользования территориями? Могут ли коренные народы иметь право на самоопределение и в какой форме оно возможна? Оказывают ли влияние международные договоры на правоприменительную практику в государствах? Эти и другие вопросы о правах коренных народов мира могут быть заданы как в научных спорах между учеными, так и в дискуссиях на высшем политическом уровне.

Обратим внимание, что в декларации от 2007 года подчеркиваются права коренных народов на культурную защиту в государстве, но также в целом формулируется вся система защиты, направленная на недопущение развития политик дискриминации, которые преследовали коренные народы на протяжении всей человеческой истории.

Действительно, последние годы знаменуются тем, что права коренных народов становятся важной темой для дискуссии в международном праве. В международных организациях уделяется внимание культуре, языку, особым традициям, обеспечивающим жизнедеятельность народа. В данной главе через анализ права на самоопределение и автономию я попытаюсь ответить на вопрос, зачем нужна была декларация о правах коренных народов. Кроме того, я укажу на теоретические аргументы, которые повлияли на актуализацию повестки прав коренных народов в международном правовом поле и на решения, принимаемыми государственными органами в отношении прав коренных народов. Далее я постараюсь ответить на вопрос, в какой степени мы можем утверждать, что международно-правовые документы, касающиеся прав коренных народов, например, Декларация ООН о правах коренных народов обладают юридическим влиянием/важностью на соблюдение прав коренных народов в отдельных странах.

В контексте прав коренных народов можно выделить несколько важных правовых терминов, вызывающих наибольшие разногласия. Прежде всего к ним относятся «автономия» и «самоопределение» – два ключевых термина, на которых будет сфокусирован анализ.

Сепаратистские и иммигрантские кризисы, произошедшие в последнее время по всему миру, влияют на права человека и вопросы самоопределения по-разному. В

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

академической литературе и в политической сфере не существует консенсуса в понимании места коренных народов и иммигрантов в системе прав человека. Когда в одних странах создаются прецеденты о культурном самоопределении коренных народов (Решение Межамериканского суда по правам человека по делу «Народ Сарамака против Суринама») [42], в других странах для прямого указания на невозможность государственного самоопределения народов, некоторые верховные суды пошли на уточнение международного законодательства. Например, в Канаде в 1998 году по делу об отделении Квебека было вынесено: «право народа на самоопределение обычно осуществляется посредством внутреннего самоопределения – стремление народа к своему политическому, экономическому, социальному и культурному развитию в рамках существующего государства» [43]. В Испании по делу о самоопределении Каталонии Конституционный суд вынес решение, согласно которому реализация права на принятие решения о самоопределении граждан Каталонии может быть осуществлена только путем процесса, соответствующего конституционной законности и следующего принципам "демократической легитимности", "плюрализма" и "законности", прямо провозглашенным в декларации в тесной связи с "правом на принятие решений" [44]. Такое решение символизирует страх либерально-демократических национальных государств признавать в своей среде нации без государства и этнические группы, требующие создания государств, из-за угрозы отделения и распада существующего государства.

Следовательно, важно видеть разницу между правом на государственное самоопределение (создание нового государства) и правом на самоопределение в рамках государства. Право каждого народа на самоопределение закреплено в Декларации о принципах международного права и было принято резолюцией ООН 2625(XX5) 24 октября 1970г. В декларации не предполагается выделение отдельных принципов под права коренных народов. В этом и заключена сложность правоприменения подобного рода документов. В Канаде Конституционный суд, ссылаясь на Декларацию о принципах международного права, недвусмысленно указал, что определение точного статуса франкоязычной общины Квебека или любой другой группы в Квебеке как "народа" в данном случае не является необходимым [43:144]. А так как в Декларации указано, что народам предоставляется право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и также определять своё экономическое, социальное и культурное развитие, то не назвав этническую группу «народом», помогает сохранить и «законность», и «плюрализм», и «либерально-демократическое» государство.

Важно отметить, что данная декларация обязывает каждое государство «воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы, о которых

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

говорится выше, в изложении настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость». Итогом является то, что в ней изложены принципы равноправия всех народов между собой и недопущения дискриминации по признаку принадлежности к какому-либо народу.

Понятия «самоопределение», «автономность» и «культурная самобытность» в рамках концепции прав человека получили дальнейшее развитие благодаря возникшей академической дискуссии на стыке дисциплин права, антропологии и политологии, в результате чего были сформулированы некоторые теоретические аргументы, подтверждающие необходимость дополнительной защиты коренного населения в отдельных государствах и на международном уровне в целом. Философ Уилл Кимлика предлагает эгалитарный аргумент с обязательной защитой этнокультурных групп. По утверждению ученого, культуры меньшинств в государствах с доминантным сообществом изначально находятся в структурном неблагоприятном положении по сравнении с культурами большинства, поскольку они, оказываясь в положении «эндемиков», находятся под большей угрозой, чем последние в публичной сфере, и поэтому нуждаются в особой защите [42:253]. Более сложен аргумент Райнера Баубёка, который разделяет вопрос структурной культурной дискриминации с вопросами легитимизации создания государства. Для Баубока групповые права это средство повышения справедливости конституционной структуры (федералистской/властной, рационалистской или иной) в глазах тех не доминирующих этнокультурных групп, которые оказались частью “менее чем добровольного процесса государственного строительства” [42:254]. Наконец, Джеймс Тули на примере Канадского опыта предлагает ставить в центр дискуссии возможность создания многонациональной демократии, которая призвана ценить все виды культурных разнообразий и взаимодействует с различными индивидуальными и групповыми идентичностями, некоторые из которых имеют четкие догосударственные правовые и политические традиции. Более радикальным шагом, по мнению автора, будет попытка сделать разнообразные культурные группы центральной частью дискуссий и споров о конституционной идентичности государства и ставить вопрос о возможной конфигурации государственности [42:255].

Если процессы деколонизации, отрицания идеи превосходства одних людей над другими были достаточно радикальными идеями для времени после Второй Мировой Войны, то сегодняшняя мысль о привлечении проблем иммигрантов/этнических групп в концепцию прав человека тоже может казаться радикальной для многих кругов [45]. Первые два этапа борьбы за равенство (деколонизация и расовая десегрегация) повлияли на развитие признания прав иммигрантов и этнических меньшинств. Уилл Кимлика на

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

примере Канады показывает, как несмотря на трудности в принятии политических решений аборигены, иммигранты/этнические меньшинства и население Квебека уравниваются в правах. И хотя в федеральном правительстве сохраняются разногласия относительно того, как наилучшим образом удовлетворить стремление Квебека к автономии, на данный момент существует более широкий консенсус, заключающийся в том, что федеральному правительству нужно вести переговоры о более совместном, гибком или обновленном федерализме в ответ на требования Квебека о полной автономии. Политика разнообразия, проводимая Канадским правительством, была продуцирована принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Последующие документы стали продолжением развития общей логики концепции прав человека.

Можно сказать, что Декларация о правах коренных народов стала документом, регулирующим отношения государства и коренных народов. В самом деле, если посмотреть на основные статьи документа, то становится ясно, что одной из главнейших задач государства является обеспечение всех возможностей для сохранения и укрепления особых политических, правовых, экономических, социальных и культурных институтов коренных народов, однако сохраняя при этом свое право, если они того желают, на полное участие в политической, экономической, социальной и культурной жизни государства.

В контексте международного права важно также рассмотреть документы, связывающие отдельные страны через сеть решений судебных систем в этих государствах. Важным для коренного населения стран-участников Совета Европы стала Европейская Конвенция о правах человека, в которой обозначаются единые для всех народов правила. Однако, как будет продемонстрировано в последующем разделе, решения, принимаемые как странами, так и судебными органами все еще нельзя назвать добросовестными, так как коренные народы систематически сталкиваются с ограничениями и угрозами их выживания. Строго говоря, резолюции ООН и документы других международных организаций напрямую не создают международное право, однако неверно было бы утверждать, что они не несут никакого юридического влияния.

В данном разделе будет предпринята попытка показать, что отдельные судебные решения в разных странах представляют собой систему международного права и на практике формируют его. Как уже было сказано, международные договоры устанавливают основную концептуальную рамку принципов концепции прав человека, когда судебные решения реализуют данные принципы. Прецедентные судебные дела, где основной составляющей являются нарушения прав человека, могут длиться годами. Процесс рассмотрения таких дел становится публичным и к нему привлекается много внимания со стороны заинтересованных лиц. Используемые термины и их трактовка

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

играют огромную роль в принятии судебных решений, и часто именно от трактовки международного документа зависит судьба того или иного кейса. Так, Конституционный суд Канады по решению о деле независимости Квебека проинтерпретировал термин «самоопределение» как «право народа на самоопределение посредством внутреннего самоопределения». Именно поэтому следует обозначить те легальные категории, которые используются в международном праве и получают трактовку в отдельных решениях судов.

Первая такого рода категория — «равенство» признается всеми глобальными и региональными документами по правам человека как единственного возможный стандарт осуществления прав групп без какой-либо дискриминации [42:265]. Для достижения «равенства» во многих документах международного права оговаривается возможность «позитивного действия» как меры для преодоления неравенства и дискриминации. В Конвенции по ликвидации расовой дискриминации «позитивное действие» обозначается желательной компенсационной политикой для дискриминируемой группы посредством особого обращения с теми индивидами, которые подвергаются разным формам дискриминации из-за принадлежности к этой группе [46]. «Позитивное действие» часто становится причиной разногласий в вопросе, каким образом политика «позитивного действия» может затронуть права человека других групп. Важно отметить, что в части защиты и поддержки этнокультурного группового разнообразия предоставление государственной поддержки культурным группам, такой как защита языковых прав в публичной сфере, доступ к традиционному землепользованию или финансовая помощь этнокультурным объединениям, как правило, является способом, позволяющим группе участвовать на постоянной основе в деятельности (например, политические участие), которую большинство считает само собой разумеющейся [42:259]. Так или иначе, «равенство» должно реализовываться в зависимости от конкретного случая, принимая во внимание контекст исторической несправедливости и часто сопутствующие ей территориальные потери, культурную самобытность группы и/или ее структурное социальное неблагополучие.

Следующая легальная категория, о которой следует сказать, — это культура. Здесь культуру важно понимать в более широком смысле, чем язык и традиции, обращая внимание на коренных жителей и их особую связь с землей, на которой они проживают. Как уже было сказано, международное право в отношении прав коренного населения манифестирует связь между землей и правом на культурную независимость отдельного народа. Это касается прежде всего прав землепользования коренного населения. Межамериканский суд утвердил, что связь между традиционной землей и культурой

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

коренных народов следует рассматривать как основополагающее право на “культурную самобытность”, основанное на "коллективном измерении культурной жизни коренных народов, малых национальностей, племен и меньшинств" [43:3]. Кроме того, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, избирающийся Экономическим и Социальным советом ООН, на который возложен надзор за соблюдением пакта об экономических, социальных и культурных правах, использовал антропологическую концепцию “культуры” при толковании права на участие в культурной жизни в соответствии со статьей 15 для включения, в частности, «меньшинств», «мигрантов» и «коренных народов» [42:302].

Другая категория, встречающаяся в международном праве, а именно «самоопределение» изначально имела дело с колониальной историей мира. Однако сегодня само понятие «самоопределение» вышло далеко за рамки суверенности и построения собственного национального государства. Теперь оно затрагивает артикуляцию различных идей о языке, культурной идентичности и экономической независимости. Важно понимать, что нет универсального подхода к решению вопроса о самоопределении народов. Так, в отношении коренных народов и реализации их права на самоопределение существуют разные попытки решить возникающие противоречия. Если посмотреть на концепцию прав человека с более универсалистских позиций, то каждый отдельный народ имеет право «распоряжаться своей судьбой в условиях равенства и свободы» [42:276]. Со точки зрения культурного релятивизма, самоопределение концептуализированно таким образом, что включает в себя элементы, главным образом, являющимися частью процесса участия и приспособления в рамках государства. Декларация ООН о правах коренных народов связывает самоопределение с автономией или самоуправлением внутри государства. Декларация признает право коренных народов как на собственные институты представительства, так и право на участие коренных народов в экономической, культурной и политической жизни государства [40].

Если говорить об этнокультурном разнообразии, то региональные организации также сформировали основные принципы защиты меньшинств. Решение Европейского суда по правам человека признало культурный плюрализм важной ценностью, подлежащей защите в отношении более узких или более широких аспектов идентичности меньшинств и обязанностью большинства и их права на признание [42:284]. В итоге, развитие международного права в отношении защиты этнокультурного разнообразия привели к улучшению положения коренных народов, которые стали субъектами права, а не объектами защиты.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Перечисленные категории являются важными для понимания того, как дела, относящиеся к правам человека, формируются и разрешаются. Было замечено, что к анализу данных категорий необходимо возвращаться каждый раз, когда речь заходит об этнокультурном разнообразии, признания прав меньшинств в таких сферах как дресс-код и язык. Итак, далее будут представлены дела, решения и процесс которых можно назвать прецедентными.

Первыми будут представлены несколько ключевых дел, связанных с дресс-кодом, принятые в Европейском суде по правам человека и в судах государств Европейского союза и Швейцарии.

Первое дело (*Dahlab v. Switzerland*), связанное с ношением религиозной атрибутики в школе учителем, которое рассматривал Европейский Суд по правам человека закончилось в 2001. Суд счел, что в головной платок «по-видимому, навязывается женщинам предписанием Корана и [...] трудно согласуется с принципом гендерного равенства». Отсюда Европейский суд сделал вывод, который тесно следовал мнению швейцарского Федерального суда, что исламский головной платок «представляется трудным согласовать [...] с посланием терпимости, уважения к другим и, прежде всего, равенства и недискриминации, которое все учителя в демократическом обществе должны донести до своих учеников» [47]. Можно сделать вывод, что суд был обеспокоен влиянием, которое может оказать так символ, как ношение головного платка, на свободу совести и вероисповедания маленьких детей. Важно указать, что суд принял во внимание то, что учитель был государственным служащим или «представлял государство», а значит обязан был следовать принципам, по которым живет демократическое государство: «разделение церкви и государства» и «нейтралитет».

Совершенно другое решение было принято в деле *Ludin 2003*, где учительнице, исповедующей ислам, было отказано в работе в платке [48]. Главный аргумент стороны учителя в данном деле заключался в том, что индивид обладает религиозной свободой и государство должно обеспечить каждому гражданину право ей пользоваться. Именно поэтому Федеральный Конституционный суд Германии вынес решение в пользу учителя, которое свидетельствовало о большей терпимости по отношении к публичному проявлению мусульманской идентичности [48:103]. Однако, сегодня вопрос сохраняется о том, являются ли учителя государственных школ государственными чиновниками, такими же, как полицейские или судьи, осуществляющими государственные функции и поэтому обязанными казаться «нейтральными» или же они все-таки должны сохранять лишь формальный нейтралитет.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Следующее дело (*Dogru v. France 2008*), можно сказать, поставило точку в тяжелых и длительных спорах в другой европейской стране – Франции. Дело касалось возможности носить платок ученицей на уроках физкультуры. Суд полностью встал на сторону французского правительства, которое отстаивало исключение девочки из школы как «необходимое в демократическом обществе», то есть ради «секуляризма» и «гендерного равенства» [49]. Как утверждал суд, «во Франции секуляризм является конституционным принципом и основополагающим принципом республики, которого придерживается все население» [49:108].

Как видно из этих трех решений, государства в Европейском союзе по-разному подходят к решению вопросов свободы ношения религиозных атрибутов. Если во Франции публичное проявление принадлежности к религии воспринимается скорее, как секулярного общественного порядка, когда в Германии свобода вероисповедания и культурное разнообразие может распространяться на такой публичный институт, как, например, школа.

В дополнение к этим делам необходимо рассмотреть дело, касающиеся дресс-кода, где предметом спора становится ношение платка на работе. И здесь возникает вопрос, не является ли запрет на ношение платка компанией дискриминационной политикой в отношении религиозных групп, исповедующих ислам. Ответ частной сферы на публичное проявление государственной защиты секулярной выражается в деле *Achbita v G4S Secure Solutions NV*, Европейский суд Люксембурга постановил, что стремление компании к нейтралитету на рабочем месте может оправдываться ограничением на ношение религиозной одежды, такой как головной платок, если он применяется только к сотрудникам, обращенным к публике. Таким образом, государство выражает поддержку частным предпринимателям и бизнесу, стремящемуся ограничить свободу ношения религиозных атрибутах.

Что касается свободы совести как таковой, то одним из первых решений, связанных с прозелитизмом (распространением религии), стало решение в деле *Kokkinakis v. Greece.* Супружеская пара, будучи последователями Свидетели Иеговы, были приговорены к четырехмесячному заключению за звонок жене православного священника и проникновение в дом под предлогом рассказа о действиях греческого политика. В данном деле Европейский суд вступился за пару, указав, что государство «не должно вмешиваться в религиозные практики в обществе», обеспечивая плюрализм без отделения от демократического общества [47:111]. Важно, чтобы плюрализм действовал не только в отношении проповедей христиан, но и других религий для обеспечения равенство возможностей. Данное дело было прецендентом делом о свободе религии с даты создания

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

самого суда по правам человека. Как указывает Йоппке К. Дубль, невозможно не заметить двойных стандартов по отношении к христианству и исламу в решениях судей и позиции государств. Например, в деле от 1994 года *Otto-PremingerInstitut v. Austria* суд встал на сторону христианского большинства региона Австрии Тироль, которая была оскорблена «богохульным» фильмом о христианских святых [47:112]. В данном деле суду было необходимо определить, какая из двух свобод (право на свободу мнения и право на уважение свободы мысли других) была нарушена сильнее. И здесь судом было принято одностороннее решение, защитившее христианскую религию и пренебрёгшее свободой художественного выражения автора. Другое решение Европейского суда по делу *Wingrove v. United Kingdom* о поддержке Британского Совета Кино заблокировать выдачу разрешения на фильм, в котором было изображено израненное тело распятого Христа было объектом эротического желания Святой Терезы, является еще одним примером «двойных стандартов» в отношении свободы религий [50]. На контрасте с этим судом в Великобритании принимается другое решение (*Choudhury*), которое отклонило иск мусульман о запрете Сатанинских стихов, распространив действие британского закона о богохульстве на исламскую веру [51:113]. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что в публичная сфера не такая нейтральная в отношении религии, как может показаться в начале. В действительности, через решения ключевых дел можно заметить, что Европейский суд по правам человека, с одной стороны, реализует принцип секулярного государства, принимая решения о дресс-коде и защиты интересов христианского большинства. А с другой стороны, решения, стремящиеся не допустить богохульства, защищают снова то же христианское большинство, например, вводя в школе обязательный курс «Христианство, религия и философия». По решению в деле *Folgero and Others v. Norway* Европейский суд по правам человека, с одной стороны, оправдывая наличием официальной религии в Норвегии введение подобного курса, признает, с другой стороны право родителей атеистов не отправлять на подобный курс своего ребенка. Одним словом, общественные ценности и важность секулярности в отдельных странах приобретают более важный характер, нежели сами неоднозначные решения ЕСПЧ, часто ставящие религиозные проявления нехристиан как угрозу секулярному европейскому обществу, свободному от религии.

В двух кейсах *Chapman v. United Kingdom* и *Connors v. United Kingdom* рассматриваются права этнических меньшинств – цыган. В деле *Chapman v. United Kingdom* женщине, которая вела кочевой образ жизни вместе с семьёй, после покупки земли было отказано в использовании дома-фургона на участке. Притом, как сообщается из материалов дела, должностное лицо Совета графства уведомило женщину, что ей будет

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

позволено проживать на ней [51]. Важно указать, что само дело длилось 17 лет, и за это время, конечно, появились международные дополнительные международные договоры, защищающие права коренного населения и этнических меньшинств. Как подтверждается декларацией ООН о правах национальных или этнических, религиозных и языковых меньшинств 1992 года, создаваемые государством специальные механизмы для всех или конкретных групп меньшинств считаются совместимыми с принципом равенства. Более того, в отношении цыган была выпущена отдельная Рекомендация (1993) Парламентской Ассамблеи в Европе, в которой было обозначено, что цыгане, как одно из немногих меньшинств в Европе, не имеющее собственной территории, «нуждается в специальной защите». В деле *Chapman v. United Kingdom* судом было принято, что «владение заявительницей домом-фургоном является неотъемлемой частью ее этнической самобытности как цыганки, отражающей давнюю традицию данного меньшинства, вытекающую из странствующего образа жизни» [51]. В другом деле *Connors v. United Kingdom* было подтверждено, что нарушение прав самобытности народа (цыган) является нарушением права на уважение частной и семейной жизни Европейской конвенции о правах человека [42:284]. Это сохраняет уклад цыган и позволяет им пользоваться государственными услугами (такими, как образование, медицина, защита).

Таким образом, дела, затрагивающие права человека, в отдельных странах представляют собой одновременно единый, но в то же время очень индивидуальный политико-правовой дискурс. Правоприменение международных договоров трактуется по-разному в зависимости от локальных общественно устоявшихся моральных рамок. Особые сложности возникают в делах, где в один сюжет пересекаются категории, смысл которых до сих пор оспаривается и не является однозначным. Равенство, культура и самоопределение это три важных критерия, способных вывести этническое, национальное или коренное меньшинство на новый уровень правовой и экономической независимости.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

5 Анализ институциональной инерции в сфере политической аккомодации культурных различий в постсоветской России

Одной из особенностей СССР, отличавших эту «империю» от «наций-государств» Европы и Америки, была институционализация этничности. Она проявлялась в двух основных формах – деления политического пространства и деления населения. Во-первых, этнический принцип лежал в основе территориального устройства: союзные республики и «национально-территориальные образования» разного уровня рассматривались как квази-собственность того или иного этнического сообщества (именовавшегося «нацией» или «народностью»). Во-вторых, этническая принадлежность фиксировалась в паспортах и других документах учета населения. Факт отнесенности к той или иной этнической группе мог оказаться определяющим в доступе индивидов к социальным ресурсам и власти, в силу чего этничность воспринималась ими как экзистенциально важная характеристика [52-55].

Остановимся кратко на том, в каких формах советское институциональное наследие сохранилось в новых независимых государствах. Во-первых, в части из них действует или до самого недавнего времени действовало (с изменениями) законодательство о языке, принятое еще в советское время[9]. Законы о меньшинствах, там, где они есть, хотя и были приняты уже после обретения независимости, разрабатывались еще при коммунистическом режиме. Во-вторых, структура и функции органов власти, отвечающих за управление этнокультурной неоднородностью («национальную политику») были в основном определены в 1990-1991, т.е. опять-таки, на излете советской эпохи [53]. В-третьих, постсоветские государства унаследовали от своего предшественника *идеологический эклектизм* в том, что касается концептуализации этой самой «национальной политики». В официальной советской идеологии причудливо совмещались конфликтующие между собой представления об организации общества. С одной стороны, национализм (поскольку власти исходили из убеждения в этнической основе государственности[10]), а с другой стороны – поддержка полиэтничности и полилигвизма в обществе. С одной стороны, декларировалась защита прав граждан (т.е. власть как будто исходила из концепции *индивидуальных* прав и свобод, с другой стороны, государство подчеркивало свою готовность содействовать этнокультурному и социально-экономическому «развитию» народов (т.е. приверженность концепции *групповых* прав). В официальной риторике позднесоветского времени присутствует такая фигура как равенство прав граждан независимо от их этнической принадлежности, однако эта фигура

[9] В Беларуси, Молдове, России и Украине.

[10] Об этом убедительно написал в свое время Юрий Слезкин, статья которого [53],[56] об СССР как коммунальной квартире давно стала хрестоматийной.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

уравновешивается такими фигурами как «самоопределение» и «суверенитет» этнических наций; более того, остается непонятным, как равенство индивидов предполагается реализовывать в условиях символической иерархии этнических групп – когда одни группы вроде бы «ровнее» других.

Этот эклектизм в полной мере усвоен элитами стран-наследниц СССР. Положения законодательных актов, принимаемых в сфере этнокультурного регулирования, сформулированы так, что сохраняют открытость интерпретациям. Кроме того, наряду с писаными – формальными – правилами и нормами на практике действуют неформальные, о содержании которых внешний наблюдатель может только догадываться [55],[57].

Благодаря расплывчатости языка правовых актов, а также разрыву между законодательными положениями и правоприменением у профессиональных управленцев возникает широкое пространство маневра. Они не просто имеют возможность интерпретировать (или избирательно применять) те или иные положения закона в зависимости от конъюнктуры – отсутствие определенности заложено в алгоритм их деятельности. Ниже, заимствуя выражение Доннаха О'Бехена и Роба Кевлиана [58] мы будем называть эту ситуацию *стратегической амбивалентностью (strategic ambiguity).*

Специфика Российской Федерации в сравнении с большинством других стран-наследниц СССР связана с феноменом этнического федерализма (или этнофедерализма). В этих условиях опция «национализации» изначально была нереалистичной. И хотя в начале 1990-х годов и звучали голоса в поддержку такого сценария[11], очевидно, что у центра не было ни ресурсов, ни желания его реализовывать.

Вторая принципиальная особенность российского случая по сравнению с другими постсоветскими странами заключается в наличии в России широкого социокультурного консенсуса. Подчеркнем: дело заключается отнюдь не в численном преобладании этнически русского населения над этнически нерусским. Дело заключается в *бесспорном доминировании русского языка и тесно связанной с ним образцов городской культуры*. Эта культура носит универсальный (а потому над-этнический) характер. Нельзя сказать, что подобной городской культуры не сложилось в других частях бывшего советского пространства, включая Казахстан и Украину. Однако здесь после распада СССР началось *оспаривание ее доминирования*. Оно выразилось в разных формах и прежде всего – в языковой политике, нацеленной на расширение публичного использования национального языка и, соответственно, сужение использования русского.

[11] О желательности превращения России в «нормальное национальное государство» в те годы неоднократно высказывался А.Солженицын. Такое превращение предполагало, среди прочего, отказ от существующего «национально-территориального» деления в пользу чисто территориального. Тогда же В.Жириновский призывал вообще перейти от федеративного к унитарному принципу территориальной организации, поделив Россию на «губернии».

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

В начале 1990-х Россия столкнулась с центробежными тенденциями на фоне относительной слабости центральной власти[12]. Федеральный центр обнаружил себя перед необходимостью торга с региональными элитами. В случаях, когда этот торг накладывался на этнические различия, он приобретал подчас крайне политизированный характер [59]. Было бы ошибкой, однако, полагать, что «этнический» фактор везде был одинаково значим (если значим вообще). Одно дело – Татарстан или республики Северного Кавказа, где местные этнические элиты обладали немалыми политическими, административными и символическими ресурсами, которые они могли задействовать в переговорах с центром. Совсем другое дело – национально-территориальные образования, титульная этничность в которых составляла явное меньшинство, как в Карелии или Хакасии, не говоря уже о Ханты-Мансийском АО или Чукотке.

Впоследствии возможности центра в торге с региональными элитами существенно возросли. На этом фоне наблюдается заметное снижение значимости этнического фактора в российской внутренней политике [60]. На протяжении последних двух десятилетий мы являемся свидетелями *рецентрализации власти*. Москва постепенно отбирает у регионов полномочия, приобретенные ими де юре или де факто в 1990-е. Это проявилось в следующих формах.

В начале 2000-х годов были отменены законодательные акты «национальных республик», противоречившие федеральному законодательству. Так, в 2000-ом году Верховный суд отменил закон о выборах президента республики Татарстан, согласно которому эту должность мог занимать только человек, владеющий татарским языком. Был отмен принцип пропорционального представительства в Республике Адыгея, согласно которому половину депутатских мест в республиканском заксобрании должны были занимать этнические адыги.

В 2002 г. произошло символически значимое событие: центр заблокировал попытку властей Татарстана перевести татарский язык с кириллической письменности на латиницу[13].

Медленно, но неуклонно проводятся мероприятия по унификации административного пространства. Это и создание федеральных округов (с учреждением должности «полномочного представителя президента»), и смещение старых и назначение

[12] «Берите столько суверенитета, сколько можете проглотить» - эти слова, произнесенные Б.Ельциным в августе 1990 на выступлении в Казани и затем повторенные в Уфе, красноречиво свидетельствуют об общественных настроениях и о властных конфигурациях той поры. В 1991 г. на территории РФ было провозглашены десятки суверенных образований [59:130-132]

[13] В 2002 г. было принято дополнение в Закон РФ о языках, установившее, что алфавиты государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы, а иные графические основы могут устанавливаться только федеральными законами.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

новых руководителей «национальных республик», осуществляемое центром в режиме консультаций с местными элитами, но с очевидной асимметрией отношений в пользу центра[14]. Здесь, правда, есть исключение – Чечня. Но положим, что оно лишь подтверждает правило.

Унифицирующие тенденции в образовательной политике. Правда, эта политика была и остается достаточно противоречивой или, если угодно, гибкой [61],[62]. Тем не менее, тренд в сторону унификации (т.е. русификации) просматривается вполне отчетливо. Среди наиболее симптоматичных событий здесь - высказывание Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям в июле 2017 г. о недопустимости принуждения к изучению государственных языков республик [63] и поправки к Закону об образовании (2018), согласно которым государственные языки в республиках могут изучаться только в качестве «родных языков», а выбор языка в качестве «родного» является по закону добровольным [64].

Намечается «русоцентричный» тренд в символической политике. Это и учреждение в 2006 г. Дня народного единства, с символами которого довольно трудно отождествиться этнически нерусским, и запуск руководством Единой России «Русского проекта» (2007), и учреждение в том же году Фонда «Русский мир», и активизация лексики «русскости» в ущерб «российскости» в публичной риторике первых лиц государства.

В марте 2014 г. в речи по случаю присоединения Крыма [65], Путин упомянул «русский народ» в однозначно этническом смысле и назвал русских «разделенным» народом. Таким образом, в официальном дискурсе на федеральном уровне впервые появился образ русского народа как жертвы внешней силы. Тренд символического закрепления особой роли русских продолжился при внесении поправок в Конституцию РФ. В документ была включена формулировка «язык государствообразующего народа», что без труда интерпретируется как указание на ведущую роль русской этничности в государстве. Данная тенденция стала для некоторых исследователей основанием утверждать, что российские правящие элиты окончательно взяли курс на «этнизацию» государства [66],[67].

Мы, однако, не уверены, что для подобного утверждения есть достаточные основания. На наш взгляд, в данном случае не учитывается то свойство российской политики, которое охарактеризовано выше как стратегическая амбивалентность. Слово «русский» употребляется российской правящей элитой намеренно многозначно. С одной

[14] Отставка Рахимова в Башкортостане, Шаймиева в Татарстане, Илюмжинова в Калмыкии, Магомедова в Дагестане; затем замена Абдулатипова на посту главы Дагестана на Васильева, не имеющего местных этнических корней, и т.д.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

стороны, подчеркивается его надэтнический смысл. Оно отсылает к политической и культурной лояльности, а не к «национальности» в этническом значении. Поэтому военачальники, государственные деятели и художники времен Российской империи (Багратион, Нессельроде, Айвазовский, Левитан, Куинджи и т.д.), независимо от их этнического происхождения, считаются русскими[15]. С другой стороны, элиты, использующие слово «русский», прекрасно осведомлены об этнических коннотациях, которые оно приобрело в советские годы. Кроме того, однозначно этнический смысл слову «русский» придает низовой русский национализм (с его «Русскими маршами», лозунгом «Россия – для русских!» и т.д.). Пытаясь переиграть националистов на их поле, правящие элиты неизбежно вовлекались в языковые игры вокруг соответствующей семантики. Отсюда и проистекает формула «государствообразующий народ» применительно к этнически русскому населению.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года[16], в п.11 говорится, что «российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ», который сыграл «объединяющую роль». Обновленный вариант Стратегии[17] включил также положение о том, что «общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты» (п.11.1), а среди принципов политики была названа (п.19(е) «государственная поддержка <…> этнокультурного развития русского народа и других народов Российской Федерации». В начале 2012 г. в статье о «национальном вопросе», Президент Путин выдвигал подобные же тезисы о «государствообразующем» русском народе и о «русской культурной доминанте», при этом резко выступив против идеи русского моноэтнического государства [67].

Россия все в большей степени начинает напоминать другие бывшие союзные республики, вставшие на путь «национализации» вскоре после обретения независимости. В официальном языке, в том числе в нормативных документах, воспроизводятся представления об «основной» этнонации как основе государственности и потенциальном объекте особой покровительственной политики. При этом сама официальная позиция остается нечеткой и выражается с рядом оговорок. Параллельно представления об особой роли и особых интересах этнического большинства развиваются и тиражируются провластными деятелями культуры, академиками и журналистами.

[15] В той же логике выдержаны выражения «русский ислам», «русские евреи» и т.д. – кстати, с первого момента их запуска в публичный оборот вызывавшие энергичный протест со стороны представителей религиозных и этнических меньшинств.

[16] Утверждена Указом Президента РФ № 1666 от 19 декабря 2012 г.

[17] Утвержден Указом Президента №703 от 6 декабря 2018 г.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Дискурс об особых интересах этнического большинства сосуществует с гомогенизирующей культурной и языковой политикой. В обоснование гомогенизации власти и близкие к ним эксперты используют различную аргументацию, как правило, не связанную с «национализацией»: обычно первыми в списке идут необходимость интеграции и обеспечение гражданского единства, а также защита равных прав и возможностей граждан [68].

В то же время Москва отдает должное многоэтничности, которая остается (по крайней мере, номинально) адресатом государственной поддержки и заботы. «Русифицирующие» жесты Кремля отчасти компенсируются акциями в поддержку «многонациональности» и «многоконфессиональности». Администрация на всех уровнях поддерживают консультативные структуры по «национальным вопросам». Сохраняются публичные учреждения культуры и образования, призванные поддерживать языки, искусство и наследие нерусских народов, хотя и без специальных законодательных гарантий. Региональные и муниципальные власти финансируют публичные празднования, демонстрирующие этническое разнообразие населения (фестивали национальных культур, Сабантуй, дни тех или иных национальностей, выставки, концерты и пр.)[18]. Этнические ассоциации разных уровней также пользуются прямым содействием властей, включая финансирование, причем их деятельность ограничивается бюрократически заданной повесткой: развитием фольклора либо пропагандой общероссийского национального единства. Симптоматична также государственная поддержка такой организации, как Ассамблея народов России, занимающейся аналогичной деятельностью [70].

[18] Подробные обзоры этой активности можно найти на портале «Национальный акцент» Гильдии межэтнической журналистики [69]

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ситуация с публичной видимостью мигрантов в сегодняшней России во многих отношениях напоминает Германию конца 1980-х — начала 1990-х годов. Присутствие мигрантов, визуально отличных от «местного населения», становится все более привычным фактом повседневности российских мегаполисов, но этот факт неуклонно игнорируется властными инстанциями. В то же время, если сравнивать институциональное окружение, опосредующее видимость мигрантов в России, с тем, как устроена публичная сфера сегодняшней Германии, мы обнаружим резко контрастирующие друг с другом случаи.

Если в Германии позитивный дискурс о миграции выстраивается вокруг признания вклада «новоприбывших» в общенемецкую культуру, то в России многонациональное наследие мыслится как исторически обусловленное и само собой разумеющееся. Репрезентации культур выходцев из Центральной Азии и Южного Кавказа априори вписаны в клише «дружбы народов». Отсюда перманентное воспроизводство советских официозных форм экспонирования культурного многообразия. При этом подобные мероприятия обходят стороной проблематику трудовой миграции, фокусируясь на так называемых «диаспорах».

Если в немецких мегаполисах (прежде всего, в Берлине) востребованы наиболее яркие и экспрессивные формы манифестации городского разнообразия, привлекательные для глобально-ориентированного потребителя , то в России обнаруживается совсем другая ситуация. Присутствие выходцев из центральноазиатских республик в «культурных мероприятиях» в том случае, если оно опосредуются бюрократическими и полубюрократическими структурами, зачастую призвано продемонстрировать лояльность российскому государству. Что же касается развлекательной индустрии, то российский поп-культурный мейнстрим, в отличие от немецкого, остается нечувствительным к различиям между мигрантами .

Благодаря усилиям немецкой интеллектуальной элиты, за последние два с лишним десятилетия культурная политика крупных городов Германии претерпела важные изменения [71]. Признание значимости культурного разнообразия манифестируется в поддерживаемых государством практиках — прежде всего, городских фестивалях. Однако особенность нынешней ситуации состоит в том, что за мигрантами прочно закрепилась ниша, отделенная от сферы так называемого высокого искусства — от них ждут либо представления «традиционной», фольклорной культуры, либо голого развлечения, энтертейнмента [72-76].

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

Во всех рассмотренных нами постсоветских странах концепция «треугольника» Брубейкера долгое время после распада СССР не соответствовала эмпирическим реалиям, хотя ожидания и предположения, лежавшие в основе этой схемы, в начале 1990-х выглядели вполне обоснованными. В целом прогноз не оправдался, хотя его отдельные элементы реализовались в ограниченных масштабах. Что же имело место взамен?

«Национализирующие» тропы присутствовали в официальной риторике в Казахстане и Украине, но конвертировались в действие эпизодически и непоследовательно. В России можно было говорить о трендах гомогенизации, но не о прямых аналогах «национализирующей политики» - прежде всего, потому, что требования «восстановить» Россию как государство этнических русских и закрепить их особое положение (тем более представления о русских как о жертвах угнетения и эксплуатации со стороны «других»), хотя и встречаются в публичном пространстве, не получили заметного распространения. Наконец, политика поддержки «соотечественников», заявленная в каждой из трех стран в 1990-е и 2000-е годы, не сыграла существенной роли в межгосударственных отношениях [77].

Политику, касающуюся аккомодации этнокультурного разнообразия, во всех трех государствах характеризует то, что выше было обозначено как «стратегическая амбивалентность». В официальных нарративах в Украине и Казахстане совмещаются, с одной стороны, подчеркивание особой роли «титульных» национальностей и необходимости укрепления их языков и культур, а с другой стороны – признание гражданского равноправия и осуществления власти от имени всех граждан, независимо от национальности и языка. И там, и там власти на всех уровнях стремятся поддерживать имидж центристов, отвергающих опасные крайности. При этом общие законодательные установления, предполагающие приоритет единственного государственного языка, проводятся в жизнь ограниченно и в целом позволяют русскому сохраняться в качестве lingua franca. Что касается России, то здесь ситуация более сложна из-за федеративного устройства и проведения отдельными республиками собственной языковой и этнической политики. Однако для центральной власти риторика многонациональности никогда не исключала признания особой роли этнических русских, обеспечения фактической монополии русского языка в публичных коммуникациях и внедрения общих для всей страны национальных символов и стандартов в образовании.

Более важно отсутствие во всех трех странах массовой мобилизации на этнической основе. Эмпирические данные из всех постсоветских государств показывают, что только в единичных случаях население демонстрирует способность к самоорганизации вне государственных институтов и протесту и массовое участие обычно сменяется

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

демобилизацией. Хотя в постсоветских государствах были и есть общественные организации, выступающие за права русскоязычного населения, в целом это население демонстрирует конформизм и индифферентность, в том числе в отношении «национализирующей» политики. В России массовые движения на этнической основе в республиках были заметным фактором в начале 1990-х годов, а затем стали в целом маргинальным явлением.

При отсутствии общего теоретического объяснения этого феномена можно сделать отсылки к частным интерпретациям. Во-первых, важную роль играет так называемое «негативное равновесие» [78] – стремление людей, в том числе активное и даже агрессивное, избегать перемен и оставаться в той системе отношений, к которой удалось приспособиться [*79*]. В этой связи существенно то, что «национализация» проводилась в значительной степени в символической области и была непоследовательной. Это означает, что структура повседневности и культурная среда остаются на протяжении длительного времени неизменными или меняются медленно, что облегчает индивидуальную адаптацию. Во-вторых, необходимо учитывать систему экономической и политической зависимости населения от государственных и бизнес-структур [80],[81], которую в целом можно описывать как патримониализм [82]. В-третьих, широко распространены неформальные практики и институты, позволяющие обходить формальные правила или приспосабливать их к индивидуальным текущим нуждам.

Резюмируя, можно сказать, что адаптация людей к текущим обстоятельствам благодаря распространенности неформальных практик, ослабляющих государственное принуждение, и нежелание перемен служат социальным фоном для идейной инерции. В подобном обществе эклектика, унаследованная от советского периода, и стратегическая амбивалентность создают оптимальный модус этнокультурной политики. В свою очередь, эти факторы формируют дополнительные стимулы для оппортунистического и конформистского поведения. Люди, имеющие разные представления о желаемой для себя конфигурации нации – более жесткой «национализации» или о сохранении статус-кво, в предложенном государством эклектическом наборе идей и практических подходов могут найти для себя приемлемые элементы. В результате у них возникают ожидания, блокирующие участие в протестной активности.

Если отвлечься от деталей внутриполитических процессов и демографической ситуации, то можно перечислить следующие два фоновых обстоятельства и два тренда, свойственные всем рассматриваемым странам. Везде сохраняются в основе своей советские официальные практики описания этнического и языкового разнообразия, а также практики их организации со стороны законодателя и исполнительной власти. Везде

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

фоном служит пассивность населения и предпочтение индивидуальной адаптации коллективному действию, в том числе действию на этнической основе. Во всех трех странах государственный аппарат демонстрирует стимулы к централизующей и унифицирующей внутренней политике, что означает и культурную гомогенизацию с укреплением позиций единственного государственного языка. Везде гомогенизирующая политика опирается на дуальную – общегражданскую и этническую – легитимацию: власти делают отсылки к необходимости социальной интеграции и одновременно используют аргументы, связанные с защитой и поддержкой этнического большинства.

Все перечисленные фоновые обстоятельства и тренды означают воспроизводство дискурсивных и социальных форм, унаследованных от советского периода, в силу чего имеет смысл вести речь об *инерционном сценарии*. Однако в середине 2010-х годов инерционный сценарий дает сбои. Происходит поворот к реальной «национализации», закрепляемой в организационных изменениях и механизмах принуждения. Почему? На наш взгляд, это связано с переменами внешнеполитического характера.

Проще всего объясняется ситуация в Украине. После начала конфликта с Россией в 2014 г. там сформировался относительно широкий общественный консенсус относительно необходимости консолидации. Во всяком случае, в условиях войны голоса против национализации государства и «дерусификации» социокультурной сферы не имеют такого веса как раньше. Если прежде внутреннюю политику можно было сравнивать с маятником (радикализация «национализирующего» тренда сменялась либерализацией), то в последние годы маятник замер в крайнем положении. Триггером перемен в украинской этнокультурной политике стал, таким образом, внешний фактор, а ее драйвером выступает государство с изменившимися мотивациями и возможностями.

В России поворот к «национализации» также совпадает с переменами во внешней политике. Конфронтация с Западом, начавшаяся в конце 2000-х и усилившаяся после присоединения Крыма и войны на Востоке Украины, сопровождалась более энергичной официальной риторикой национального единства в условиях враждебного окружения. Новый курс включает в себя стратегию внешней экспансии России с помощью распространения русского языка и культуры, а также с опорой на русское и русскоязычное население за рубежом. Этот дискурс имел и имеет отчетливые культурные обертоны, от которых остается короткая дистанция до концепта «государствообразующего народа». Концепт «русского мира» и риторика разделенного народа, становящегося жертвой враждебных сил, в еще большей степени стимулируют «этнизирующее» восприятие внутренних и внешнеполитических процессов. Одновременно общая административная централизация и унификация не могут не

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

затронуть сферы образования, языковой политики и медиа, что на практике также означает культурную гомогенизацию. Как и в Украине, перемены проводятся в жизнь государственным аппаратом, получившим новые возможности и ставящим перед собой новые цели.

В Казахстане же наблюдается продолжение предыдущего тренда сохранения и укрепления этнического «профиля» страны. Здесь имеет место плавная эволюция, ведущая к укреплению позиций казахского языка и символической роли казахской этничности, а также более эффективному контролю правительства за выражением этнического разнообразия в публичной сфере. «Вертикаль» контроля и управления выстраивалась давно, и она оказалась вполне готовой к вызовам типа «русского мира».

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Baubock, R. (2015) Morphing the Demos into the right shape. Normative principles for enfranchising resident aliens and expatriate citizens. Democratization 22(5):1-20

2. Kymlicka W. (ed.) Human Rights and Ethnocultural Justice. Department of Political Theory and Government, University of Wales, Swansea (1998)

3. Taylor, Ch. (1994) Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. Princeton University Press.

4. Kymlicka, W. (1995) Multicultural Citizenship. Oxford University Press.

5. Carens J. 2000. Culture, Citizenship and Community. Oxford: Oxford University Press.

6. Bader, Veit. 2003. Democratic Institutional Pluralism and Cultural Diversity // C.Harzig & D.Juteau with I.Schmitt (eds.). The Social Construction of Diversity: Recasting the Master Narrative of Industrial Nations. NY: Berghahn books. P.131-167.

7. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 272 с.

8. Joppke Ch., Morawska E. Integrating Immigrants in Liberal Nation-States: Policies and Practices // Toward Assimilation and Citizenship: Immigration in Liberal Nation-States / Ch. Joppke, E. Morawska (eds.). – New York: Palgrave-Macmillan, 2003. P. 1—36.

9. Koopmans R. Trade-offs between equality and difference: immigrant integration, multiculturalism and the welfare state in cross-national perspective // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2010. – №36 (1). – P. 1—26.

10. Green D. Immigrant Perception in Japan: a Multilevel Analysis of Public Opinion // Asian Survey. – 2017. – №52 (2). – P. 368—394.

11. Bosswick W. & Heckmann, F. Integration of Immigrants: Contribution of Local and Regional Authorities. – Dublin: European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2007.

12. Freeman, G.P. Immigrant Incorporation in Western Democracies // International Migration Review – 2004. – №38 (3). – P. 945—969.

13. Goodman S. Integration for Integration's Sake? Identifying, Categorizing and Comparing Civic Integration Policies // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2010. – №36 (5). – P. 753—772.

14. Brubaker R. (1996) Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe, Cambridge: Cambridge University Press.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

15. Зевелев И.А. (2008) Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве: наследие империи и государственный прагматизм // Наследие империй и будущее России. М.: Новое литературное обозрение. С.241-293.

16. Shevel O. (2011) Russian Nation-building from Yel'tsin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous? // Europe-Asia Studies, vol. 63, no.2, pp.179–202.

17. Осипов А.Г. (2012) Этничность и равенство в России: особенности восприятия. М.: Центр «Сова», 2012.

18. Young I.M. Justice and Politics of Difference, Princeton University Press, 1990

19. А. Лейпхарт Демократия в многосоставных обществах. М: Аспент Пресс, 1997

20. Martin D. (1978) A general theory of secularization. Harper & Row.

21. Burchardt M., Wohlrab-Sahr M., Middell M. (Eds.) (2015). Multiple Secularities Beyond the West. Religion and Modernity in the Global Age. Boston: de Gruyter;

22. Burchardt M., Wohlrab-Sahr M., Wegert U. (2013). Multiple Secularities. Post-colonial variations and guiding ideas in India and South Africa // International Sociology 28(6) (2013). P. 612–628;

23. Cady L.E., Hurd E.Sh. (Eds.) (2010): Comparative secularisms in a global age. New York: Palgrave Macmillan;

24. Wohlrab-Sahr M., Burchardt M. (2012): Multiple Secularities. Towards a Cultural Sociology of Secular Modernities // Comparative Sociology. 11 (2012), pp. 875–909;

25. Dressler Markus, Armando Salvatore, Monika Wohlrab-Sahr. Islamicate Secularities: New Perspectives on a Contested Concept // Islamicate Secularities in Past and Present. Special issue, Historical Social Research. 44, no. 3 (2019): 7–34;

26. A Secular Age beyond the West: Religion, Law and the State in Asia, the Middle East and North Africaю Ed. by by Mirjam Künkler, John Madeley, Shylashri Shankar. Cambridge University Press, 2018;

27. Global Secularisms in a Post-Secular Age. Edited by Michael Rectenwald, Rochelle Almeida, and George Levine. Boston/Berlin: Walter de Gruyter Inc., 2015.

28. Малахов В. Осуществим ли в России русский проект? // Отечественные записки № 3 (4) 2002. <https://magazines.gorky.media/oz/2002/3/osushhestvim-li-v-rossii-russkij-proekt.html>.

29. Challenging the Liberal Nation-State? Postnationalism, Multiculturalism, and the Collective Claims Making of Migrants and Ethnic Minorities in Britain and Germany. Author(s): Ruud Koopmans and Paul Statham. Source: American Journal of Sociology, Vol. 105, No. 3 (November 1999), pp. 652-696 Published by: The University of Chicago Press

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

30. Green, S. (2001), ‘Citizenship policy in Germany: The case of ethnicity over residence’ in Hansen, R. and Weil, P. (eds), Towards a European nationality: Citizenship, immigration and nationality law in the EU (New York: Palgrave).

31. A. C. Korteweg, T. Triadafilopoulos Is multiculturalism dead? Groups, governments and the ‘real work of integration’, Ethnic and Racial Studies, 2015 Vol. 38, No. 5, 663–680,

32. K. Schonwalder, Germany: integration policy and pluralism in a self-conscious country of immigration in S.Vertovec, S. Wessendorf, (eds.)Multicultiralism Backlash, European Discourses, Policies and Practices. Routlesge. Taylor & Francis Group 2010 S.

33. Ohliger, R. and Raiser, U., 2005. Integration und Migration in Berlin. Zahlen–Daten–Fakten. Berlin: Beauftragter für Integration und Migration des Berliner Senats.

34. T. Triadafilopoulos Becoming Multicultural: Immigration and the Politics of Membership in Canada and Germany, Vancouver: University of British Columbia Press, 2012

35. F. Gesemann and R.Roth, Lokale Integrationspolitik in Der Einwanderungsgesellschaft: Migration Und Integration ALS Herausforderung Von Kommunen, 2009

36. Castles, S., Korac, M., Vasta, E. and Vertovec, S., (2002) Integration: Mapping the field. Home Office online report, 29(03), pp.115-118.

37. Knecht M., Niedermüller P. The Politics of Cultural Heritage: An Urban Approach // Ethnologia Europaea, 2002, pp. 89–104.

38. Korteweg A.G., Triadafilopoulos T. Is multiculturalism dead? Groups, governments and the ‘real work of integration’ // Ethnic and Racial Studies, Vol. 38, No. 5, 2015, pp. 663–680.

39. Eckardt F. Multiculturalism in Germany: From Ideology to Pragmatism—and Back // National Identities, 9:3,2007, pp. 235-245.

40. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // Организация Объединенных Наций URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 10.10.2020).

41. Устав Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций URL: https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html (дата обращения: 10.10.2020).

42. Pentassuglia G. Ethnocultural Diversity and Human Rights: Legal Categories, Claims, and the Hybridity of Group Protection //The Yearbook of Polar Law Online. – 2014. – Т. 6. – №. 1. – С. 250-317. С 293

43. Pentassuglia G. Do Human Rights Have Anything to Say about Group Autonomy? //Ethno-Cultural Diversity and Human Rights. – Brill Nijhoff, 2017. – С. 125-167. С.125

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

44. CCJ 42/2014, 25 March 2014, Legal Basis 3. https://www.tribunalconstitucional.es/ResolucionesTraducidas/STC%2042-2014E(2)%20%20DECLARACION%20SOBERANISTA%20%20SIN%20ANTECEDENTES.pdf

45. Kymlicka W. Ethnocultural diversity in a liberal state: Making sense of the Canadian model (s) //Belonging. – 2007. – С. 39-86.

46. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации народов // Организация Объединенных Наций URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 16.10.2020).

47. Joppke C. Double standards? Veils and crucifixes in the European legal order //European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie/Europäisches Archiv für Soziologie. – 2013. – С. 97-123. С. 102

48. Попав в Германию, должен измениться и ислам // Deutsche Welle URL: https://www.dw.com/ru/%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B2-%D0%B2-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E-%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B6%D0%B5%D0%BD-%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F-%D0%B8-%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC/a-917679 (дата обращения: 24.10.2020).

49. CASE OF DOGRU v. FRANCE // The European Court of Human Rights URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-90039%22]} (дата обращения: 19.10.2020).

50. Wingrove v. United Kingdom // Global Freedom of Expression URL: https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/wingrove-v-united-kingdom/#:~:text=Case%20Summary%20and%20Outcome,right%20to%20freedom%20of%20expression. (дата обращения: 25.10.2020).

51. Фонд SJI // Chapman v. UK URL: https://www.srji.org/resources/search/22/ (дата обращения: 25.10.2020).

52. Tishkov V, Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame, London, Sage, 1997

53. Slezkine Y. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review, vol. 53, no.2, pp.414–452.

54. Suny R. (1993) The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union, Stanford: Stanford University Press.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

55. Беспамятных Н., Осипов А., Василевич А., Прина Ф., Пушкин И. (2014) Политика управления этнокультурным разнообразием в Беларуси, Молдове и Украине: между советским наследием и европейскими стандартами, Вильнюс: ЕГУ.

56. Слёзкин Ю. (2001) СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Советский период: антология. Самара: Самарский государственный университет. С. 329–374

57. Isaacs R. and Polese, A. (2015) Between 'imagined' and 'real' nationbuilding: identities and nationhood in post-Soviet Central Asia // Nationalities Papers, vol. 43, no.3, pp. 371–382..

58. Ó Beacháin D. and Kevlihan R. (2013) Threading a needle: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building // Nations and Nationalism, vol. 19, no.2, pp. 337–356.

59. Безбородов А., Елисеева Н., Шестаков В. (2010) Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма.

60. Дробижева Л.М. (2013) Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф.

61. Паин (2004) Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН.

62. Zamyatin K. (2018) Russian-Speaking Nation? The Promotion of the Russian Language and Its Significance for Ongoing Efforts at the Russian Nation-Building // The Politics of Multilingualism: Linguistic Governance, Globalisation and Europeanisation (eds Grin F. and Kraus P.), Amsterdam: John Benjamins, pp.39-64.

63. Заседание Совета по межнациональным отношениям. 20.07.2017. URL: http://kremlin.ru/events/councils/by-council/28/55109. (дата обращения: 1.06.20).

64. Мартынова (2019) Язык и школьное образование: российский опыт // Филиппова Е.И. и Соколовский С.В. (отв. ред.) Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком. С.40-74.

65. Обращение Президента Российской Федерации. 18 марта 2014 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/20603. (дата обращения: 1.06.20).

66. Kolstø P. (2016) The ethnification of Russian nationalism // The New Russian Nationalism. Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism. 2000–15 (eds Kolstø P. and Blakkisrud H.), Edinburgh: Edinburgh University Press, pp.18-45.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

67. Путин В.В. (2012) Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

68. Prina F. (2016) National Minorities in Putin's Russia. Diversity and Assimilation, New York: Routledge.

69. Национальный акцент URL: https://nazaccent.ru/content/news/ (дата обращения: 1.06.20).

70. Ассамблея народов России URL: ассамблеянародов.рф (дата обращения: 1.06.20).

71. Малахов, Владимир. 2016. «Феномен “новых иммиграционных стран”: российский случай в общеевропейском контексте». С. 19–31 в Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России, под ред. Марьи Розановой. СПб.: Скифия-принт.

72. Welz, Gisela. 1993. “Promoting Difference: A Case Study in Cultural Politics.” Journal of Folklore Research 30(1):85–91.

73. Welz, Gisela. 1996. Inzenierungen kultureller Vilfalt: Frankfurt am Main and New York City. Berlin: Akademie Verlag

74. Knecht, Michi & Peter Niedermüller 2002: The Politics of Cultural Heritage: An Urban Approach. – Ethnologia Europaea 32:2:89–104.

75. Kosnick, Kira. 2004. The Gap between Culture and Cultures: Cultural Policy in Berlin and its Implications for Immigrant Cultural Production. EUI Working Paper RSCAS No. 2004/41. Florence: European University Institute.

76. Kosnick, Kira (ed.). 2015. Postmigrant club cultures in urban Europe. Frankfurt am Main: Peter Lang.

77. Мукомель В., Паин Э. (2002) Государственная политика России в отношении зарубежных соотечественников: этапы становления // Новые диаспоры. Государственная политика в отношении к соотечественникам и национальным меньшинствам. М: Центр этнополитических и региональных исследований. С. 112–130.

78. Гельман В. (2018) Негативное равновесие // The New Times. 24 декабря 2018. https://newtimes.ru/articles/detail/175194/

79. Greene S. A. (2018) Running to stand still: aggressive immobility and the limits of power in Russia // Post-Soviet Affairs, vol.34, no.5, pp. 333-347.

80. Allina-Pisano J. (2010) Social contracts and authoritarian projects in post-Soviet space: The use of administrative resource // Communist and Post-Communist Studies, vol. 43, no.4, pp. 373-382.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889

81. Mamonova N. (2019) Understanding the silent majority in authoritarian populism: what can we learn from popular support for Putin in rural Russia? // The Journal of Peasant Studies, vol. 46, no.3, pp.561-585.

82. Fisun O. (2012) Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, vol. 20, no.2, pp. 87-96.

Electronic copy available at: https://ssrn.com/abstract=3860889